

ИРАИДА И ВИКТОР ДУДКО

16+

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ
(СЕМЕЙНАЯ САГА)

ИСТОКИ
КНИГА 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
ВИКТОРА АНАТОЛЬЕВИЧА ДУДКО

МОСКВА МАИ ГРУППА АП – 4 ВЫПУСК 1957 года

МОСКВА
2019 г.

Ираида Владимировна Дудко
Энциклопедия наших жизней
(семейная сага). Истоки
книга 1. Детство и юность
Виктора Анатольевича Дудко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42665667

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05774-6

Аннотация

Семейная сага – «Энциклопедия наших жизней». В неё вошли: Детство; Трудная дорога на Украину; Побег из дома 11-летнего Виктора на фронт в поисках отца; Разрыв родителей; Жизнь в Фергане в семье дяди; Школа и спорт; Первая любовь; Самовоспитание; Трудности поступления в Москве в МАИ; Учёба в МАИ, друзья, практика и военные лагеря; Защита, Диплом с отличием в 1957 году, но – мимо распределения; Сын, с которым никогда не виделся; Скитания в поисках работы; Держинка Подмосковная и начало работы в НИХТИ (ракетостроение); Встреча в 2017 году через 60 лет после окончания МАИ – шестерых, ещё живущих сокурсников выпуска МАИ 1957 года.

Содержание

Глава 1	5
Введение	5
Часть 1	10
Часть 2	36
Часть 3	42
ЧАСТЬ 4	72
Часть 5	105
Глава 2	127
Часть 1	127
Часть 2	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

*Эта книга посвящается с благодарностью
– Виктору Анатольевичу Дудко (18.02.1934–
25.09.2018 г.г.) – соавтору, верному другу и
любимому мужу, с которым прошли по жизни –
душа в душу, плечом к плечу долгих 59 лет...*

*ТЕБЕ – ЛЮБИМОМУ ПОСВЯЩАЮ,
УШЕДШЕМУ В НЕБО Я ВОЗВРАЩАЮ
НАПИСАННОЕ НА ЭТИХ ЛИСТАХ —
О ДЕТСТВЕ, ЮНОСТИ И МЕЧТАХ*

**МОСКВА МАИ ГРУППА АП – 1–4 ВЫПУСК 1957
года**

Глава 1

Детство и юность Виктора Анатольевича Дудко

Введение

**Ираида Степанова и Виктор Дудко.
Это первый наш совместный снимок в 1959 год.**

Подмосковный посёлок имени Дзержинского, общежитие молодых специалистов. Поскольку свадебных фотографий у нас не было, этот снимок можно считать – точкой отсчёта нашей совместной жизни.

Каждый человек может написать единственную книгу – о своей жизни.

Наша семья – Ираида, Виктор и наши дети – Стэлла и Олег Дудко написали серию книг, под общим названием – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ». В Энциклопедию вошли книги:

«РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО СЕМЬИ ДУДКО», «ИСТОКИ», «СОЗИДАНИЕ», «ЗАКОН СИНУСОИДЫ», «ДОРОГАМИ ЖИЗНИ» и «ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ».

По сути – все книги вместе являются документальной сагой, или, если сказать точнее, это – АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА, охватывающая период жизни советской семьи с начала 20-го века и по настоящее время.

Книги включают в себя: родословную (с XVIII века)); военное детство; «совковый» секс; работу, связанную с наукой, и не только; взлёты и падения; автотуризм; воспоминания о друзьях; а в последние годы – наши судьбы: стариков, детей, внуков, и правнуков – в борьбе за выживание.

В книгах использованы: подлинные старинные и другие фотографии, документы, дневники и, конечно – наши лич-

ные воспоминания о прожитых нами годами и происходившими судьбоносными событиями.

Попутно вытаскиваем и публикуем из этих книг ГЛАВЫ, которые могут рассматриваться, как самостоятельные рассказы и мемуары. Такие, как -

"МИСТИКА И СНЫ", "ЧЕТВЕРОНОГИЕ ЧЛЕНЫ НАШЕЙ СЕМЬИ", "КАК МЫ САМИ СТРОИЛИ ДАЧУ", "НАШ ПРАВНУК ИЛЬЯ" и другие...

Эти повествования могут быть опубликованы самостоятельными книгами. Если хватит отпущенного Всевышним времени и здоровья.

В 2019 году мы с Виктором планировали отпраздновать 18 февраля его 85-летие, а 20 октября – нашу бриллиантовую свадьбу... Почти 60 лет совместной жизни – это не каждому удаётся. Естественно за эти долгие годы было всё: любовь и ссоры, радости и разочарования, взлёты и падения, да легче перечислить – чего не было...

Можно верить в судьбу, можно не верить, но в нашем случае наш союз был предначертан судьбой, это точно. Причём, этот процесс начинался давно и осуществлялся – медленно... Виктор родился в Ташкенте, потом жил в Фергане, позже во Фрунзе. Соответственно, его родители жили в Средней Азии.

Я родилась в Казани. Мои родители ездили на заработки в те же перечисленные места и города, но тогда дороги наших родителей не пересекались. Прошла война. Ещё до

окончания войны, в 1944-ом году, когда Киев был освобождён, наша семья Степановых переехала жить в столицу Украины Киев, а мои бабушка, дедушка и две маминых сестры перебрались из Горького – тоже на Украину, в город Каменец – Подольский. Тогда же, в 44-м, из Ферганы мама Виктора Вера Николаевна Дудко с двумя детьми, проехав через Киев, обосновалась тоже в Каменец – Подольском.

На этот раз, мама Виктора и одна из моих тёток – Маргарита Николаевна Плешакова и её дети – Наталья и Володя познакомились и дружили семьями. Вера Николаевна (мама Виктора) и Наташа (моя двоюродная сестра) работали в одной школе. Виктор и Володя (мой двоюродный брат) вместе голодной весной на полях собирали мёрзлую картошку на пропитание.

Я, после Киева, меняла место жительства несколько раз. В Подмосковье для меня поочерёдно становились родными: Вельяминово, Шатура, Орехово-Зуево, ТЭЦ-22 – посёлок Дзержинский. Виктор, уехав из Каменец-Подольского, жил в Бресте, Фрунзе, учился в МАИ, в Москве. На работу после института попал в НИХТИ – в посёлок Дзержинский.

Вот так и получилось, что наши с Виктором родственники встретились и подружились ещё в 1945 году. А мы с Виктором познакомились случайно в Подмосковье – 15 лет спустя.

И встретились мы с ним, возвращаясь в одном автобусе из Москвы.

Вот так, наши дорожки по жизни бежали из разных кон-

цов страны, постепенно, медленно сближаясь. И наконец, слились в одну общую дорогу, которая вот уже – 59 лет бежит через леса, буераки, овраги, горы и пригорки, и волшебные равнины.

Так что это? Судьба или случайность?

Вот поэтому и в этой семейной саге «Энциклопедии наших жизней» мы, сначала рассказываем в разных книгах – параллельно о жизни каждого из нас – Виктора Дудко и Ираиды Степановой. И только, начиная с 1959-го года, после нашей свадьбы, мы в нашей «Энциклопедии...» переходим к воспоминаниям событий, рассказывающих о жизни семьи – нашей и наших детей. В этой 1-й книге – «ИСТОКИ», открывающей серию книг «ЭНИКЛОПЕДИИ НАШИХ ЖИЗНЕЙ» помещён рассказ о детстве и юности Виктора Анатольевича Дудко...

Часть 1

Раннее детство

Ташкент – Фергана

(1934–1944 г.г.)

ВСПОМИНАЕТ ВИКТОР

МОИ ПРЕДКИ

Вы можете представить себе дедушку, которому 18 февраля 2018 года исполнилось уже 84 года – грудным ребёнком?

Я тоже не могу, потому что не помню. Но, тем не менее, в моей жизни произошёл такой счастливый случай – я родился.

Как и у всех, на нашей грешной земле у меня были родители.

Оказалось, что имеются подробности жизни рода Дудко, начиная, аж с Ивана Михайловича Дудко – он нашим внукам приходится пра-прапрадедом.

У Ивана Михайловича было четыре сына: Петро, Данила,

Остап и Яков. Остап – мой дедушка.

Когда Остап Дудко вырос и получал паспорт, батюшка не нашёл в книге православных имени Остап. И тогда нарёк он его – Евстафием. Так и жил он с двумя именами. Родственники звали его – Остапом, а во всех документах он значился – Евстафием.

У Остап Ивановича было 10 детей: девять мальчиков и одна девочка.

На ниже приведённой фотографии (Фотография сделана в 1912 году. запечатлены три поколения ДУДКО:

В центре – мой прадед – Иван Михайлович с прабабушкой.

В верхнем ряду – справа – Ефстафий (Остап) Иванович с женой – Ефросиньей Яковлевной – мои дедушка и бабушка Дудко.

Остальные – шестеро детей Ефстафия (Остапа) Ивановича и Ефросиньи Яковлевны, в том числе и мой отец – Анатолий.

Один из них – Анатолий – мой отец.

**На этой фотографии представлено три поколения
семьи Дудко**

Снимок сделан в 1912 году

Мой отец – Анатолий Евстафьевич Дудко

Мой отец – Анатолий Евстафьевич (Остапович) прошёл всю войну на 4-ом Украинском фронте и был награждён: – Орденом «Красная Звезда», и медалями: «За Победу над Германией» и Чехословацким – «за Храбрость».

Моя мама – Вера Николаевна Дудко (Покровская)

В семье моего деда – Николая Ананьевича (священника) и его жены – Раисы Дмитриевны было шестеро детей:

Борис – 1894 г. рождения

Павел – 1902 г. рождения

Зоя – 1904 г. рождения

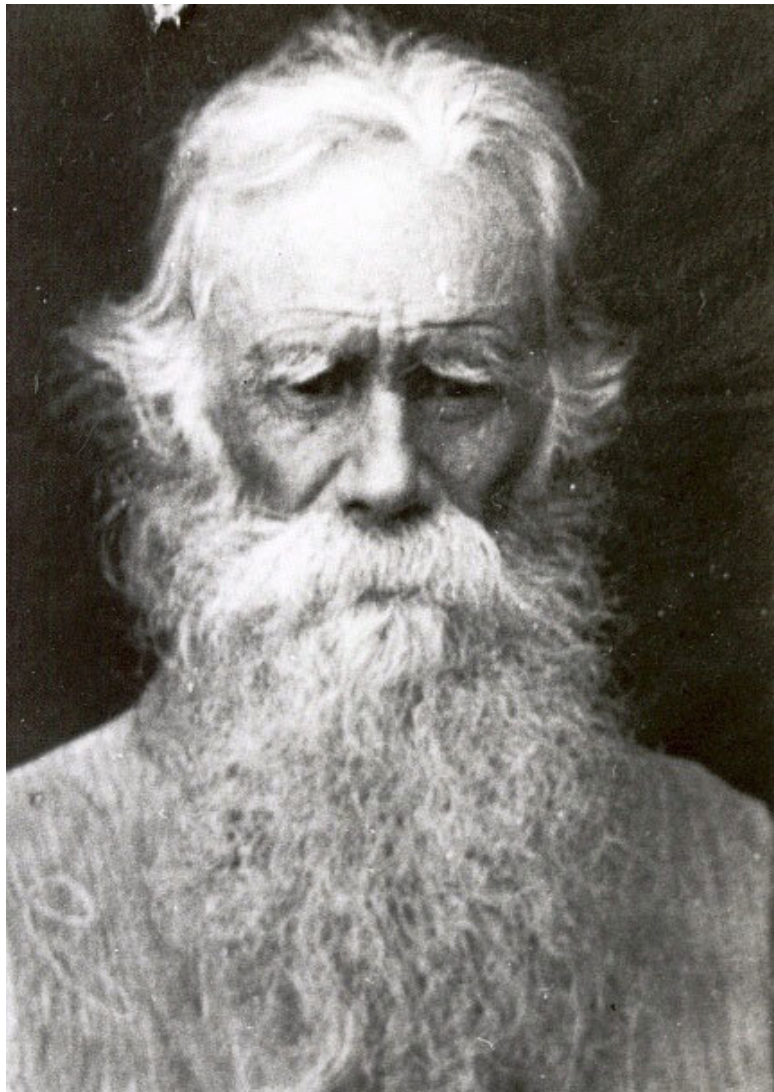
Сергей – 1907 г. рождения

Дмитрий – 1908 г. рождения

Вера – 1910 г. рождения

Моя мама – Вера Николаевна Покровская была младшей в семье.

Стала учительницей географии. Преподавала сначала в Фергане, а потом до самой пенсии – в Каменец-Подольском в школе рабочей молодежи, а также в разных дневных школах.

Отец моей мамы – Покровский Николай Ананьевич

Эта фотография – НИКОЛАЯ АНАНЬЕВИЧА ПОКРОВСКОГО, (деда Виктора Дудко и всех других его внуков), хранилась в «расстрельном» деле, и была выслана по запросу внуку – Юрию Константиновичу Ермалюку. Юра Ермалюк – сын сестры Веры Николаевны – Зои.

Мой дедушка – Николай Ананьевич Покровский был священником.

До 1931 года Николай Ананьевич Покровский служил священником в с. Лоховка, Оренбургская о., Бузулукский р. Кроме того, Николай преподавал в церковно-приходской школе.

Жена его, Раиса Дмитриевна, была регентом церковного хора и учила детей пению.

1931. Арrestован в с. Лоховка, Оренбургская о., Бузулукский р.

После ареста дом о. Николая конфисковали, а жену заставили немедленно выехать из Лоховки, и она перебралась в г. Бузулук.

При осуждении о. Николай получил приговор – 3 года ссылки.

1931–1934. Находился в заключении в г. Инта, Коми АССР.

1934. Отец Николай вернулся из ссылки и стал служить священником в местной церкви в г. Бузулуке, Оренбургская

о. Условия во всех этих лагерях были одинаково невыносимыми и трудновыживаемыми...

В ссылке он пробыл три года – с 1931 по 1934 г.г.

Главное, что тогда он вернулся из этой ссылки живым и снова занял должность священника в одной из церквей Бузулука, куда перебралась его жена после Ареста Николая.

Это были три последние годы жизни вместе с семьёй – женой и детьми. Был вновь арестован 17 июня 1937 года в г. Бузулуке.

У о. Николая осталось шестеро детей. На допросах о. Николай сказал, что у него только один сын. Скрыв наличие пятерых детей, о. Николай спас их и их семьи от страшного клейма – ВРАГИ НАРОДА...

Впоследствии все четыре сына о. Николая воевали, двое погибли на фронте, а двое вернулись искалеченными и прожили недолго.

В тюрьме о. Николая пытали.

14 августа 1937 года тройкой при УНКВД СССР по Оренбургской обл. Николай Ананьевич обвинен в "активном участии в фашистской контрреволюционной организации" и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведён к исполнению 16 августа 1937 года в тюрьме г. Бузулука, Оренбургской о.

1988. Реабилитирован Оренбургским областным судом 27 июня 1988 года. Справка о реабилитации (номер 44-у-III) выдана родным 1 июля 1988 года.

Сохранился документ:

Министерство юстиции РСФСР
ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
460000 г. ОРЕНБУРГ
ул. ПУШКИНА, 31 тел. 7-59-67
1.07.88 г. № 44 – у – 111

СПРАВКА

Дело по обвинению Покровского Николая Ананьевича, 1872 года рождения, до отъезда был служителем религиозного культа, проживал в г. БУЗУЛУКЕ Оренбургской области – пересмотрено судом.

Постановление тройки УНКВД Оренбургской области от 14.08.37 г. в отношении Покровского Николая Ананьевича отменено и дело производством прекращено за отсутствием события преступления.

Покровский Николай Ананьевич по данному делу реабилитирован.

Председатель ОРЕНБУРГСКОГО

Областного суда – – – Н. Н. ДАШУТИН.

Справка о прекращении дела Дудко Евстафия Ивановича 1937 г.

Мой дедушка со стороны отца – Дудко Евстафий (Остап) тоже был репрессирован в 1937 году. Но ему повезло. В лагерях он пробыл всего 2 года. В 1939 году его реабилитировали.

Я родился в 1934 году в Средней Азии, в Ташкенте, 18 февраля 1934 года, в центре города в роддоме Сталинского района, которого уже не было, когда я приезжал в командировку много лет спустя.

Отец, как я потом узнал, встретил мою маму, Покровскую Веру Николаевну, в школе, где работала тётя Катя, жена старшего брата отца – Миши, у которого я впоследствии во Фрунзе прожил несколько лет.

Тогда – молодая учительница, приехавшая из Бузулука,

начала свою деятельность после окончания учительского института. Отец где-то служил. Они познакомились, и поженились.

Родился я ранним утром, точно никто не знает, в котором часу это было. Я пытался узнать точное время, но мама говорила, что не помнит его. Много позже, с 1990 по 1992 год мы с Ираидой обучались в астрологической академии у Михаила Левина. Мы перестали её посещать на третьем курсе, когда нужно было переходить к специализации (правда, я её закончил, но не защищал диплом). Мы в тот момент не были готовы к изучению глубинных знаний, не хватало элементарной практики. Позже мы стали покупать нужную литературу, купили кое-какую астрологическую программу для компьютера, т. е. занялись самообразованием на базе уже полученных знаний в академии.

Вот тогда-то мы и опробовали метод ректификации.

Он заключается в том, что исходными данными служат даты основных событий, происшедших в прожитой жизни. Чем точнее даты и чем больше их – этих событий, тем точнее компьютер выдаст час и минуты твоего рождения.

Я использовал такие точные даты, как даты рождения детей и даты умерших, близких для меня людей, начало и окончание разных видов учёбы и другие, памятные мне даты. Получилось, что я родился в 5 часов 47 минут утра по местному времени. Вообще, это близко к маминым упоминаниям о том, что я родился ранним утром.

У отца это был второй брак. От первого с Татьяной Григорьевной Скрынниковой родилось двое детей: мальчик и девочка.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Отдел Актов Гражданского состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О прекращении брака № 4

Брак между гражданином____ ДУДКО
АНАТОЛИЕМ ЕВСТАФЬЕВИЧЕМ

и гражданкой_____ ДУДКОВОЙ
ТАТЬЯНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ прекращён, о чём в
книге записей актов гражданского состояния.

о прекращении брака за 14.10 1930 г.
(четырнадцатого ноября тысяча девятьсот тридцатого
года произведена соответствующая запись).

Фамилия после прекращения брака с ДУДКО –
СКРЫННИКОВА

Печать...

Я нарочно привёл здесь документ о разводе. Дело в том, что каждая очередная жена, после того, как Анатолий Евстафьевич уходил из семьи, уверяла, что никакого развода не было, и он является многоженцем...

Сохранилось единственное письмо от Татьяны Григорьевны Скринниковой. В нём она упоминает, что Вера Николаевна – уже третья жена Анатолия. Была ещё и вторая, с которой он жил в Ташкенте и Киргизии, какая-то полячка...

Нужно заметить, что практически во всех документах ничего не говорится о семейном положении БАТИ. Тем не менее, основываясь на имеющихся документах и письмах можно сделать заключение, что Батя отличался любвиобилием.

Трижды он был официально женат. У него были в каждой семье дети.

В первом браке родились Алексей и Лидия. У моей мамы было нас двое – я и Марта. И от третьего брака родился мой младший сводный брат – Женька. Были ещё и внебрачные дети. Где-то они живут, а нам и не суждено знать своих, в общем-то, близких родственников (сводных братьев и сестёр).

Так распорядилась жизнь.

ФЕРГАНА

В 1935 году семья переехала в город Фергану, где отец стал работать вольнонаёмным бухгалтером в НКВД. Ему был положен пистолет, так как ещё не были окончательно подавлены басмачи. Но к истории с пистолетом я вернусь попозже.

Был я беспокойным ребёнком. Мог орать долгими часами, и никто не понимал – почему? Вроде бы ничего не болело. Когда мама уставала носить меня на руках, меня брал отец, а я продолжал орать.

В общем, им долго ещё не приходилось высыпаться.

Город, в котором мы жили, находится в долине со всех сторон окружённый горами, климат там субтропический: зима, как правило, один месяц в году, отмеченная сплошными дождями. Снег мы видели только на вершинах окружавших нас гор. А пощупать его не приходилось.

Проживали мы в домике с двумя комнатами, маленькой кухней и небольшим крылечком с навесом. Это дом по улице Горького кажется – № 15.

(Когда много лет спустя, мы были в Уч-Кургоне, мы заехали г. Фергану и посмотрели на ещё сохранившийся дом, хотя большие новые многоэтажные дома уже наступали и сюда).

Домик находился у въезда во двор, с окнами, выходящими

ми на улицу. Во дворе проживало в разных строениях ещё несколько семей.

Сам двор был большим, задняя от улицы сплошная стена отделяла от нас, кажется, какую-то автоколонну. У забора росли несколько деревьев грецких орехов, а среди них были заросли земляных орехов. Окна одной комнаты выходили на улицу. На улице был тротуар, выложенный плиткой, но неширокий, а остальное – обычная земля. Между тротуаром и дорогой, протекал арык. С арыком связаны некоторые воспоминания. Так лет в пять или шесть я взял без спросу пятьдесят рублей и спрятал купюру в арыке под камушком. А затем вынул её и купил каких-то конфет или мороженое. Меня разоблачили, и отец провёл со мной воспитательно-разъяснительную беседу – с применением ремня для убедительности. Правда, и продавщице тоже досталось, как она могла что-то продать малышу, приняв такую большую купюру, да ещё не дать сдачу.

Был ещё второй глубокий основной арык, который протекал справа от дома. Если по нему пройти вверх, то у шлюза находилось небольшое углубление в виде огромной лужи или – небольшого пруда. Мы, ребяташки часто купались там и прыгали с каменных опор шлюза. И, когда в очередной раз я прыгнул, то мне в ногу воткнулась колючка от акации, пробив всю ступню насквозь. Ветви акации с большим количеством колючек бросали в арык, чтобы не закрывали (а, может быть, не открывали) шлюз. Почти без особых проволо-

чек мне её вынули, хотя было очень больно, но я не плакал. Акации на юге растут очень большими, ветви и колючки тоже были большими и очень твёрдыми.

Хотелось отметить, что в долине всё давало большой урожай. Так вдоль арыков были посажены деревья, и когда мы побывали в городе во время отпуска, нас поразило то, что деревья с обеих сторон дороги выросли такими большими, что своей кроной они заслоняли дорогу от солнца, и мы ехали по улице, и всё время были в тени.

Помню – ещё до войны, когда мне было шесть лет, у меня горлом пошла кровь. Меня отвели к врачу. Сдали необходимые анализы. Врач предположил болезнь лёгких. Меня стали родители буквально носить на руках. Мне это понравилось. И, когда в следующий раз мы пошли к врачу, у меня опять – кровь: втайне от всех я высосал кровь из десны.

Врач сказал, что он не может определить – в чём дело, и посоветовал родителям поить меня горячим молоком, в которое добавлять ложку топлёного масла и через раз ложку мёда. Каждое утро я пил молоко с маслом и мёдом. Меня оберегали от всего. За год я поправился неимоверно, а кровь всё идёт. Я высасывал её из десны и сплевывал, чтобы показать, что я ещё болен. Уж больно вкусно меня лечили.

Наконец, пора и честь знать – я кончил представляться, десна укрепилась, кровь не сплёвывалась. Мои лёгкие тоже были в порядке. Я поправился и больше не болел.

Мама работала в школе, меня и Риту ей помогала воспи-

тывать двоюродная сестра – Ираида Ананьевна Покровская и некоторое время с нами жила мамина мама – моя бабушка. У бабушки я видел Библию. Похоже, что бабушка окрестила меня и вероятно, сестрёнку. О себе я знаю точно. Фотографий бабушки (по маминой линии) не осталось кроме одной...

На фотографии – моя бабушка (Покровская – мама моей мамы), Я – Витя, моя сестрёнка – Марта, которую всю жизнь называли – Ритой, и мамина двоюродная сестра – Ираида Аристарховна Покровская, которая жила с нами, помогала маме по хозяйству и нянчиться с нами – детьми.

О детстве у меня сохранилось много воспоминаний. Они все, какие—то отрывочные. И чаще всего, особенно ярко запомнилось всё, что связано с едой.

Например, мне запомнилось то, что перед войной в магазине появился плов в железных консервных банках, он был очень вкусным. Когда его подогревали на сковороде, запах был необыкновенным, а вкус, ну просто пальчики оближешь. Вкус этого плова сохранился до сих пор, хотя плов в банках потом пропал, а после войны я его нигде не видел.

Рано или поздно, все мальчишки испытывают смущение, обнаружив, что мужчины и женщины различаются между собой по некоторым определенным признакам. Однажды, в начале войны (мне, получается, было – лет шесть), когда отца забрали в армию, мы пошли в баню. Там были огромные очереди. Мы, как и многие другие, пришли со своими тазами. Мне было только семь лет, и мама, как и некоторые другие мамы, взяла меня в женское отделение. Мы устроились в дальнем углу. Мама и сестрёнка носили воду в тазах, а я сидел на одном месте, и почему-то прятал своё достоинство между ног, чтобы не отличаться от всех. Всё остальное я практически не помню. После этого похода я больше не ходил в баню с мамой. Мы, ребята, старались попасть в баню с взрослыми дядями или не мылись совсем.

Проблема пропитания началась ещё задолго до начала войны. Но, когда началась война, эта тема стала проблемной

для каждой семьи. Нужно было выживать.

Весь двор поделили под огороды, кроме того, от школы маме выделили участок, недалеко от шлюза. На нём мы посадили рассаду помидоров. Я ухаживал за ними, вовремя поливал и вырастил помидор весом около двух килограмм. На семейном совете было решено вместе с другими помидорами – продать его на базаре. Когда мы принесли помидоры, то сбежался весь базар посмотреть на чудо. Мы его продали, и на вырученные деньги купили лепёшек – с хлебом было трудно (шёл 2 или 3 год войны).

Надо заметить, что базар на юге – это что-то необыкновенное. Его не с чем сравнить: на нём можно было что угодно продать, и что угодно купить.

А вы когда-нибудь пробовали жареную саранчу? Нет? А вдыхали ли запах запечённой в огне саранчи, как в лучших ресторанах Китая? А было это так. В 42, а скорее в 43 году я видел то, что теперь можно увидеть только в фантастических фильмах. На нашу Ферганскую долину напала саранча.

И взрослых, и детей вывели за город на борьбу с саранчой: рыть канавы, жечь солому в них, давить саранчу, чем только можно, производя для этого любые действия.

Саранча двигалась: одни ползли, другие прыгали, третьи летели на крыльях. Благо они не ели людей. Проехавшая машина давила саранчу, на место раздавленной тотчас наползала масса новой – казалось с ней никак не справиться.

По обеим сторонам дороги были поля хлопчатника, раз-

делённые на прямоугольники арыками для полива.

Вдоль арыков были посажены тутовые деревья, ветви, и листья которых использовались как пища для непарного шелкопряда. Так вот эти деревья стояли голыми: листья и ветви были съедены саранчой, а сами стволы сплошь были усыпаны ею. Всё это производило ужасающее впечатление. Младшие школьники рыли канавы, кто-то подносил солому или просто мешковину. Всё это поджигалось. В воздухе носился запах горелого мяса. Конечно, от нас помощь была небольшой. Это показало, что люди бессильны против стихии.

Говорили, что саранча пришла из-за кордона. Потом появились самолёты, которые что-то опыляли. В город саранчу не пустили, но хлопка и шёлковых тканей в конце этого года не было.

Вспоминать о болезнях не очень хочется, но и забыть то, что кошмаром запало в душу, тоже невозможно. Я переболел малярией в тяжёлой форме.

В пионерлагеря за городом я попал после 1-го класса вместе с сестрёнкой. До города и до дома было несколько километров, как считалось не очень далеко. Иногда с разрешения вожатого мы после завтрака до обеда бегали домой. Когда однажды я взял с собой сестрёнку, то на обратной дороге с ней намучился: она быстро уставала, и плакала, прося отдыха.

Перед лагерем находился аул. Дорога шла вдоль забора

(дувала), и почти нигде не было тени, местные жители вдоль заборов никогда не сажали деревья. Было около 12 или 13 часов. Самая жара, пекло. Мне напекло голову. Недалеко от лагеря протекал арык. Вода в нём была ледяная с гор.

Я искупался. Спустя некоторое время, меня стала бить дрожь. В лагере я никак не мог согреться. Затем, спустя несколько дней, я заболел малярией.

При температуре воздуха 40 и выше, при наступлении приступа меня била дрожь, мне было холодно. Укрытый несколькими шерстяными одеялами я не мог никак согреться. Меня забрали домой. Лекарств не было. Когда наступал приступ – меня помещали во вторую комнату, завешивали окна, накрывали несколькими одеялами.

Я смотрел на потолок – там вырисовывались разные фантастические фигуры, которые почему-то передвигались по потолку ко мне, стараясь сделать со мной что-то нехорошее (просто никогда не удавалось плотно закрыть окна – всегда пробивался солнечный зайчик – свет).

Мне становилось страшно – я кричал, терял сознание: температура подскакивала до 42. Я дрожал, как осиновый лист, несмотря на то, что был закутан во множество одеял. Мама с огромным трудом достала таблетку хинина. Она мне помогла: сбила температуру, сняла дрожь, стало легче дышать. Таким образом, для лечения нужен хинин, а он – дефицит, достать его в то время было невозможно. На всю жизнь мне запомнился этот приступ, хотя он повторялся неоднократно.

кратно. Изредка, сейчас во сне он мне нет-нет, да привидится, а я хочу стереть его из памяти навсегда.

Где и как доставала мама хинин, но после лечения малярия больше никогда не возвращалась. В то время это заболевание без лекарств было смертельно опасным. Мне в этот раз просто крупно повезло – я остался не только живым, но и, кажется, здоровым.

Из моего детства, как ностальгия, всплывают и встают перед закрытыми глазами ореховые деревья, ряд ореховых деревьев, множество деревьев. Весной с ореховых деревьев мы сбивали молодые орехи для того, чтобы съесть их. Но для этого нужно было снять верхнюю зелёную кожуру, которая ничем не счищалась и, кроме того, при чистке выделяла несмываемый ничем сок, окрашивающий руки в тёмно-коричневый цвет, так что, по цвету рук можно было узнать – кто сбивал орехи. Когда орехи поспевали, кожура съёживалась, лопалась и легко снималась. Молодые орехи мы пытались чистить в воде, но это не помогало: руки всё равно пачкались. Но до чего – же вкусными нам казались эти молодые, недоспевшие молочные ореховые ядра. Ведь нам, мальчишкам, особенно в годы войны, всегда так хотелось есть.

Запомнилось мне так же, как мы, однажды, откопали у забора земляные груши – растение похожее на картошку, есть которую можно было сырым прямо на месте. Мы перекопали большой участок нашего двора, копошась в земле, добывая её, как самое дорогое золото. Но на следующий год их не

было. Мы не знали, что для воспроизводства их надо было вновь посадить весной в землю.

И что характерно для того времени: между нами никогда не возникало межнациональной или межрелигиозной и иной розни, или нам, ребятишкам, это только казалось. Местные жители: узбеки, дунгане, татары, русские и украинцы жили дружно, не было претензий и к эвакуированным людям разной национальности, не было ни тени антисемитизма – шла война. Начало войны мы, мальчишки, сначала восприняли с восторгом: думали, что она быстро кончиться, мы будем воевать на территории врага. Мы стали играть в войну.

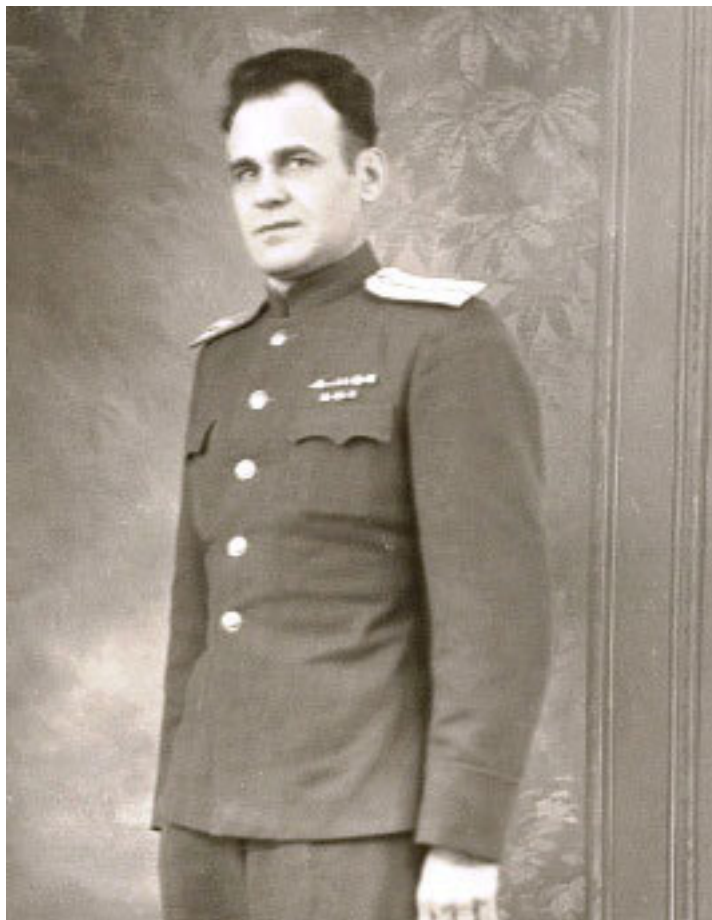
Но по радио начали приходить тревожные новости. Мы стали отступать. Фашисты стали расстреливать мирное население. Постепенно стали прибывать беженцы. Их рассказы о войне были ужасными. Стали уходить на фронт отцы, деды, братья. Ввели карточки на продукты, большинство из которых пропало с прилавков в первые дни войны. Наступило военное время.

Несмотря на болезни, летнее пекло, начавшуюся войну, работу на огородах для того, чтобы как-то выжить – Фергана осталась в памяти как одно из самых тёплых, ласковых воспоминаний. Это всё было – моё раннее детство.

Начинал учиться я в городе Фергана в 1941 году, после начала войны. Как я учился, я не помню.

Часть 2

Дорога на Украину

На фотографии – мой отец Анатолий Евстафьевич Дудко 1944 г

Мой отец в конце 41-го года ушёл в армию.

Окончив ускоренные курсы командиров, он ушёл на фронт.

В 1944 году от отца пришёл вызов: нам предлагалось переехать на Украину в город Каменец-Подольск. Отец сообщал, что ему удалось приобрести домик, который до нашего приезда будет находиться в распоряжении КЭЧ (коммунально-эксплуатационной части).

Мама решилась ехать. Это отчаянное, очень смелое по тем временам решение – ехать в неизведанное, с двумя маленькими детьми, на только что освобождённую территорию!

Надо сказать, что ранней весной этого или предыдущего года она приобрела бычка, которого ей выделила школа. Мы его не видели, так как он постоянно находился в стаде.

Мы заказывали время от времени машину жмыха с хлопкозавода. Когда машина проезжала мимо нашего дома, мы старались из кузова стащить плитку жмыха, чтобы съесть его (он был съедобным, хотя и отжимался из хлопковых зёрен).

Бычка забили, мясо продали, вырученные деньги пригодились в дороге. Всего этого мы не видели, мясо не ели. Вещи, вероятно, были проданы.

И мама с двумя маленькими детьми решилась на этот рис-

кованный шаг: по вызову купили билеты сели на поезд на станции Маргелан и поехали в неизвестность...

По дороге увидели впервые снег, песчаные барханы. Проезжали по берегу озера-моря Арал. На станции продавали копчёную рыбу.

Когда прибыли на станцию Соль-Илимск, увидели горы соли, лежащей возле полотна железной дороги: всё было белым из-за соли. Пассажиры бросились набирать очень дефицитную по тем временам соль в любую попадавшуюся под руку тару. И только гудок паровоза заставил всё бросить, кроме соли, и бежать к вагонам.

На фотографии – Россыпи технической соли на станции в Усть-Илимске. 1944 г.

Остановились мы на станции города Самары или Саратова (не помню точно). Дальше в Москву нас, как и других пассажиров, не пустили. Комендант станции предложил маме ехать другим путём, тем более, сказал он, что сейчас формируется состав до города Киева, или надо ждать, когда поступит распоряжение об открытии пути на Москву.

Мама решила ехать дальше сразу же. Мы сели в теплушку (товарный вагон с печкой внутри), где находилось ещё несколько семей.

Волгу мы пересекли у города Сталинграда, который лежал в развалинах, и только ввысь поднималось некоторое количество многоэтажных кусков зданий. Вид был очень удручающий, печальный.

Запомнилось мне перед городом Сталино, как я сижу у открытой двери вагона, свесив ноги, а далеко внизу почти под нами расстилались поля, разделённые на кусочки под огородами. Мы проплывали над ними. А по бокам стояли терриконы и вдалеке дымили трубы каких-то заводов. (Позже, мне несколько раз снился этот эпизод).

В первых числах января мы доехали до Киева.

Остановились на вокзале. Следующая станция – Винница.

Билеты достали только на поезд, отъезжающий на следующий день. В Киеве мы вышли на привокзальную площадь, где круг делали трамваи, а в метрах 150 была поперечная улица – Саксагановская.

На её углу был продуктовый магазин, а в следующем доме жила семья Степановых.

С Ираидой (моей будущей женой) в этот раз, мы, конечно, не встретились.

Затем был Фастов, Винница, которая запомнилась тем, что на фасаде станции сохранились немецкие указатели и надписи.

Дальше мы отправились в Проскуров (теперь – Хмельницкий, хотя знаменитый атаман и близко там не был), а оттуда в город Каменец-Подольский, в то время бывший областной центр, который был целью нашего путешествия по предписанию.

Приехав туда, мы отца уже не застали – он с армией ушёл дальше на Запад. В Каменец-Подольский мы прибыли числа 15-го января. Там нас, конечно, только и ждали «с распротёртыми объятями». Дом, который забронировал для нас отец, занял полковник-медик. Мы оказались у разбитого корыта: ни кола, ни двора.

Мама несколько раз была у начальника КЭЧ, но всё было бесполезно. (Сейчас я не знаю: то ли мы запоздали с приездом, то ли полковник заплатил больше). Жить негде, двое маленьких детей 10 и 8 лет на руках, зима, холодно. Ничего нет: ни работы, ни жилья, ни знакомых, ни друзей. Это был конец...

Часть 3

Каменец-Подольский

На фотографии – КАМЕНЕЦ ПОДОЛЬСКИЙ предвоенных годов...

Долго мама обивала пороги разных учреждений. Теперь я уже не помню – где мы спали и прятались от холодной зимней погоды.

Наконец, нам выделили квартиру на улице Шевченко, напротив парка. На углу, напротив дома стояла разрушенная кирха – католическая церковь.

Дом наш был построен из природного камня. Вход к нам – на второй этаж был со двора по каменной лестнице в несколько ступеней, затем был деревянный коридор и две двери: одна – влево к соседям в однокомнатную квартиру, а другая – направо к нам в трёхкомнатную квартиру.

Первая комната – кухня. Вернее – первая комната, преобразованная в кухню. А затем – две проходные комнаты, расположенные перпендикулярно улице Шевченко.

В дальней комнате одно окно выходило на улицу, в парк, а другое – во двор. А во второй комнате одно окно выходило во двор, а другое – во внутренний двор и на почти засыпанный колодец внутри двора.

По тем временам это было роскошное жильё.

Правда, довольно холодное. В жилище было две печи: одна в кухне, обогревающая кухню и первую комнату, а вторая в дальней комнате, обогревающая эту комнату и соседнюю за стеной чужую комнату. Вероятно, сразу же за печкой, раньше здесь была дверь в эту комнату, теперь заделанную.

Кроме необходимости топить печи в доме, были и другие неудобства.

Воду мы брали из колонки, одна из которых была расположена вверх от дома, почти напротив Дворца Пионеров, а другая – вниз по улице и направо полквартала. Хотя колонки были и в нескольких метрах от нашего дома, но за забором.

Туалет был стареньким, находился в глубине двора. Дома ночью все пользовались «помойными» вёдрами, которые по-

том выносили и выливали в туалет. А днём ходили в общественный...

Обживаться было трудно. Войска, продвигавшиеся вперёд, ещё недалеко ушли от Каменец-Подольского. Мама хотела увидеться с отцом, и даже получила каким-то образом информацию о его личной жизни. Ей передали, что он живёт с какой-то женщиной. Она взяла с собой меня и поехала в местечко, где квартировалась часть, в которой служил отец. Действительно, мы нашли воинскую часть, в которой служил отец. Квартировались они в одной из деревень.

Мама расспросила кого-то – где искать отца? Ей указали на один из домов. Она постучала. Никто не ответил. Дверь была не заперта. Мы вошли в дом. Мне запомнился стол, на котором были закуски и хлеб. В комнате стояла большая кровать.

На ней горой возвышались пуховые перины и подушки. А на перинах лежала нарядная женщина.

Увидев нас, она вскочила и стремглав, в одном халате выскочила на улицу. Мама растерялась. Потом растерянность сменилась гневом. Она схватила меня за руку, и, не дожидаясь прихода отца, потянула меня на улицу, а потом – дальше от этого местечка. Свой поступок она называла позже – гордостью, хотя жалела, что не оставила меня там в доме одного, дожидаться отца.

Странно, но именно тот момент, когда она, сгоряча, решилась убежать от этого местечка, был решающим.

Могло всё случиться по-другому. Тогда ещё отец и душой, и сердцем был предан нашей семье. Иначе, зачем было вызывать нас на Украину? А Полина (так звали ППЖ), это было временное... В конце концов, он всё равно с ней расстался... Но, как говорить – «после драки руками не машут».

Мы остались в Каменец-Подольском, а отец с войсками ушёл далеко на Запад.

Мне очень хочется рассказать о нашем доме, где мы жили, об улочках, рядом с нашей, о парке над рекой Смотрич. Может быть, у меня этот рассказ не совсем хорошо получится с литературной точки зрения, но я всё-таки поделюсь своими воспоминаниями.

Улица Шевченко, на которой мы жили, начиналась вверху на горе и шла параллельно речке Смотрич.

Река текла глубоко внизу, за много столетий прорыв ущелье, глубиной около ста метров и шириной 200–250 метров. Если пересечь улицу напротив дома и парковую полосу, попадаешь на край обрыва, с которого открывается вид на крутые берега и далеко внизу извивающуюся и кажущуюся не такой уж и широкой – речку Смотрич.

На следующей фотографии – Каменец-Подольский. Наверху, за полоской парка – улица Шевченко, проходившая параллельно реке Смотрич, протекавшей внизу с крутыми отвесными берегами.

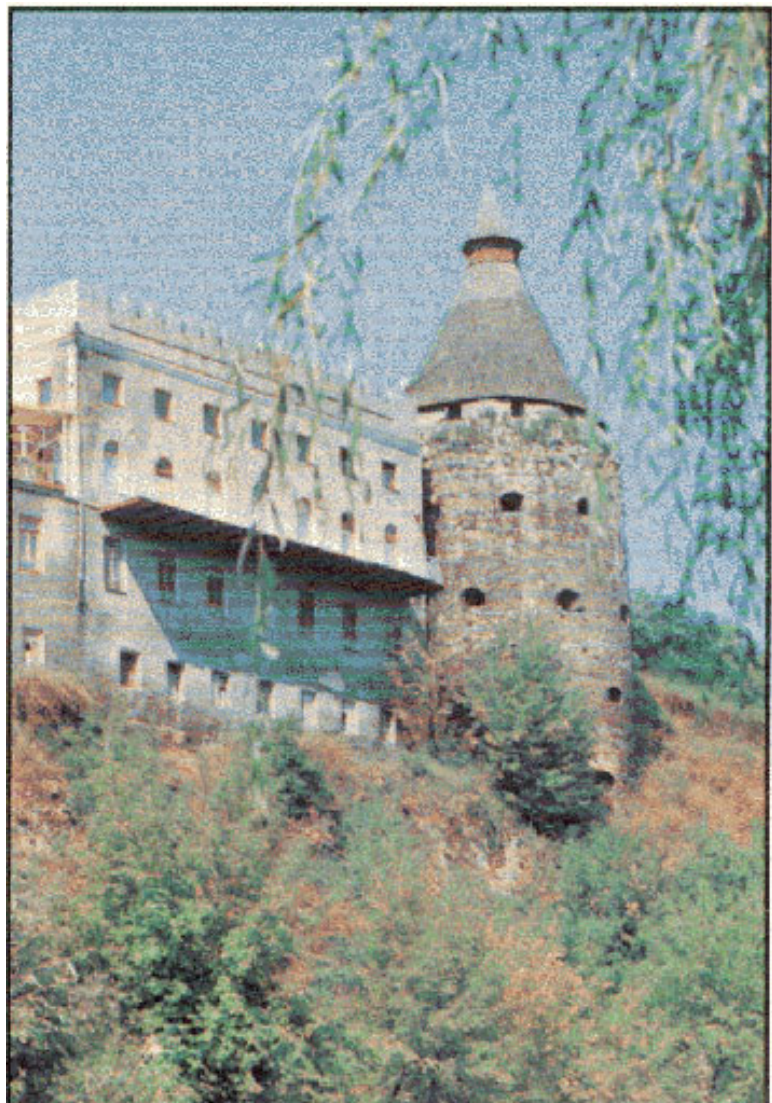
Каменец-Подольский Отвесный берег реки Смотрич. Наверху – дикий парк, заросший каштанами и грецкими ореховыми деревьями, за ним – улица Шевченко и дом, в котором жила Вера Николаевна. На снимке – справа я (Ираида).

Камене́ц-Подольский Отвесный берег реки Смотрич.

Купаемся – Виктор, Ираида и маленькая дочка – Стэлла

Правее, на узкой косе, прямо к воде сбегали жилые домики. По берегу даже была проложена дорога. Как-то раз, когда через несколько лет мы приехали в Каменец на своей машине, мы спустились по этой дороге к реке и купались в ней.

Каменец-Подольский Ресторан над рекой Смотрич

Если смотреть на крутой противоположный берег, внимание привлекал ресторан, который почти что висел над обрывом, (а тогда это была полуразрушенная башня).

Где-то на расстоянии трети улицы Шевченко, её пересекала улица, ведущая к опорам бывшего моста, соединявшего до войны новый и старый город. Когда мы приехали, то между двумя опорами находилась половина пролёта, с которого свисала длинная полоска белой материи. Справа от моста были ступени, по которым спускались вниз к реке.

А через речку были проложены деревянные мосточки. Потом на той стороне были вырублены ступени, ведущие вверх, в старую часть города.

С нашей стороны против дома ещё до войны начали строить лестницу, спускающуюся к реке. Но успели сделать только верхнюю треть, соорудив парапет длиной около 5-и метров, отступив 10 метров от края обрыва.

Наша улица была застроена только с одной стороны, а с другой стороны был парк, довольно запущенный. Наш дом имел номер 61.

В каждом квартале было 3–5 домов. Тротуар был, естественно, каменным (из широких плит), хотя в верхней части до пересечения с поперечной улицей, потом он был покрыт асфальтом. Дальше, после Дворца Пионеров, улица опять

поднималась в гору.

Наш дом был угловым. Полквартала вверх по улице Шевченко на первом этаже в красивом особняке жила знакомая моей мамы – тётя Рита. Вход у них был со двора по ступенькам вниз, хотя окна выходили на улицу и были вровень с тротуаром. С её сыном Вовкой я подружился и, мы с ним ходили вместе на поле собирать колоски и мёрзлую картошку. Впоследствии оказалось, что это родная сестра моей тёщи, т. е. наши родственники, а Вовка – двоюродный брат «моей» Ираиды.

Далее улица выходила на ровное место и гдето, не доходя до Русских Фольварков, слева находилось кладбище, где впоследствии были похоронены дедушка и бабушка Ираиды (со стороны матери). Их я, кажется, однажды видел, но знаком не был. Однажды, во время очередного отпуска мы на этом кладбище были, но без проводника – могил их, увы, уже не нашли...

Напротив нашего дома стояла разрушенная церковь – кирха (впоследствии, там соорудили плавательный бассейн).

Далее находился сад, принадлежащий Дворцу Пионеров, который стоял на углу улицы, параллельной нашей улице Шевченко, имеющей, кажется название Ленинградской (или Комсомольской?).

Чуть дальше в середине следующего квартала внутри находилась начальная школа, где я учился в четвёртом классе. На следующей параллельной улице слева находился Дом

Офицеров, а где-то дальше тоже слева располагалось танковое училище, где учился будущий муж моей племянницы Наташи (но это было много позже описанных событий).

Когда мы приехали в город, то ещё не исполнилось и года, как его освободили. В парке были вырыты канавы, около которых лежали огромные (метровые в диаметре) трубы, в которые, иногда, мы забирались. Кроме того, кругом валялось большое количество винтовочных патронов. Мы любили их подрывать. Правда, мы, к счастью не догадались гвоздём бить по капсюлю, а поступали следующим образом: у одного патрона отворачивали пулю, добывая россыпь пороха, а у другого гвоздём пробивали дырку.

Клади патрон у основания большого дерева. К отверстию ленточкой насыпал часть пороха из опустошённого патрона, длиной около метра-полтора. Конец этой ленточки поджигали. И, пока порох догорал, все ребята разбегались и прятались за деревьями. Порох в патроне загорался и патрон взрывался. Причём, пуля могла лететь в любую сторону. К счастью, никого из ребят пуля не достигла, а также не затронула случайных прохожих, которых в парке было достаточно.

Однажды, в парке я подобрал, кажется, гранату и из-за озорства бросил её. Осколком мне оторвало кусок указательного пальца правой руки, потекла кровь, все разбежались, и только сестрёнка довела меня до поликлиники, которая находилась почти в километре от места взрыва, вверху, почти у начала города.

Вначале, сгорая, я стал отсасывать кровь и, вероятно, напился её столько, что мне стало плохо, я стал белым как полотно. Вызванная в поликлинику мама, сама чуть не упала в обморок, увидев лужу крови около меня (вероятно, с тех пор я не переношу вида крови – мне становится почти всегда плохо – иногда, я даже теряю сознание). Хорошо, что осколок не затронул ногтя и, вообще, я остался живым. Но отметина осталась на всю жизнь: на указательном пальце правой руки, на первой фаланге, у меня не хватает кусочка.

В старом городе, по слухам, было зарыто где-то золото и мы, ребяташки, пробирались туда, благо, что там в то время не было жителей. Мы бродили по развалинам домов и искали, искали..., но ничего не находили.

Был в старом городе колодец, глубиной больше 100 метров: бросишь камень и считаешь – сколько секунд он летит до воды. Хорошо ещё, что мы не полезли внутрь его.

Католическая церковь и исламский минарет, кажется, не были разрушены, но массивные железные ворота закрывали входы в них. Мы ограничивались разрушенными домами.

Ещё мне на всю жизнь запомнилось лазанье по скалам. Это было какое-то повальное увлечение у всех ребят. Спустившись вниз, мы снизу вверх пытались подняться как можно выше по неприметным выступам. Однажды, я поднялся так примерно до половины высоты скалы, бравирова своими способностями. Подняться я поднялся, а ведь надо было спускаться. А я забыл, как я там очутился. Я стою на ма-

леньком уступе и не знаю, куда ставить ногу, чтобы начать спуск. Снизу кричат, чтобы я ставил ногу туда или сюда, помогая мне. Я стоял довольно долго (мне казалось – прошло несколько часов), слёзы навёртывались на глаза, ветер хотел меня сбросить вниз, хотелось быть волком. Я уже решил прыгать вниз, хотя в этом случае, я бы точно разбился бы о камни насмерть.

Наконец, решившись, скрипя зубами, вжимаясь в камень, я метр за метром стал медленно спускаться вниз. В этот раз мне это удалось.

Внизу у меня отнялись и руки, и ноги. Затем меня трясло некоторое время. Редко, но мне до сих пор иногда снится этот эпизод.

Из этого случая я на всю жизнь сделал вывод – подниматься «вверх» всегда намного легче, чем спускаться «вниз».

Подобный случай повторился через несколько лет в Коктебеле, когда я был уже взрослым.

Сынишка Олег свободно забрался на скалу и потом слез, а я залез, а слезть сразу не мог.

Хотя был и другой случай, в Астрахани.

Чтобы открыть захлопнувшуюся дверь, мне пришлось перебраться по карнизу пятого этажа с балкона на балкон, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких метров. Но почему-то (вероятно, был молод) тогда я не боялся.

Когда мы приехали в Каменец, я быстро освоил город и хорошо в нём ориентировался. Я помню, что недалеко от нас

располагался кинотеатр, а дальше на углу была гостиница, против которой была оформлена могила генерала Ватутина, погибшего от вражеской бомбы на этом месте.

Дальше целый квартал был пустым, занятым сквером, в центре его находился фонтан. Через дорогу вверх также был сквер. Отсюда поперечная улица с большим уклоном вниз вела влево к мосту в старый город. Вверх и дальше через несколько кварталов приводила к знаменитому рынку и чуть дальше влево к вокзалу.

Параллельная нашей улице Шевченко – улица Комсомольская. На противоположном гостинице углу находился продуктовый магазин. Напротив сквера с фонтаном был ещё и сквер с памятником танкистам, освобождавшим город (танком на постаменте), а напротив этого второго сквера находилась площадь и здание горкома партии (построенного много позже). На углу второго сквера по Комсомольской улице стоял двухэтажный промтоварный магазин, а выше вверх находился второй кинотеатр, куда впоследствии мы часто всей семьёй ходили.

Все эти улочки и скверы в моем мозгу запечатлелись так крепко, что я вижу их, как на карте большого масштаба...

Когда немцы заняли город, они согнали со всех мест евреев, а также некоторое количество привезли из других мест. Колонну евреев взрослых мужчин и женщин, стариков и детей они прогнали по улице Шевченко в конец, в район Русских Фольварков, и где-то там их всех расстреляли, а также

расстреляли наших военнопленных. Всего их было более 80-ти тысяч человек. Местные жители рассказывали, что, когда колонна проходила, многие несли с собой вещи, почувствовав недоброе, некоторые стали выбрасывать их в сторону, где стояли жители.

Так как в старом городе жили, в основном, евреи, то они собрали некоторое количество золота, и пытались откупиться, но немцы золото взяли, однако, своих обещаний не выполнили. Все евреи были собраны и потом расстреляны. Вот почему ходили упорные слухи, что оставшееся золото евреи спрятали где-то в старом городе. Из старого города мимо церкви и минарета дорога выходила на плотину, в которую была вмонтирована электростанция, питавшая электроэнергией весь город. Но когда мы приехали, я до плотины не доходил и не знал, что она имеется: это много лет спустя мы были и на плотине, и в крепости.

С плотины влево вверх была дорога в старую крепость, обнесённую многометровыми земляными валами. По углам крепости стояли высокие башни. В одной из них при въезде слева несколько лет томился народный герой Кармелюк. Башня находилась над обрывом, высотой примерно метров 150–200. Внизу протекала та же речка Смотрич. Надо сказать, что из этой башни Кармелюк несколько раз бежал, спустившись с обрыва. Вода с плотины и вода речки соединялись за плотиной, текли дальше, мимо башни Кармелюка, и через несколько километров впадали в реку Днестр, по ту

сторону которого находилась Бессарабия. До войны (до 1939 года) по ней проходила граница. Поэтому город был приграничным. Сам город в то время числился областным центром, и только после войны областным центром стал Проскуров, переименованный потом в Хмельницкий.

В Каменец – Подольском жил писатель Беляев, который написал роман «Старая крепость», по мотивам которого была снята картина «Тревожная молодость». В городе некоторое время, в молодости, жил и начал работать Павел Корчагин. Сейчас город полностью восстановлен и благоустроен, построены хрущёвские пятиэтажки.

Однажды, весной, я копал огород. Полагающийся нам огород находился прямо против крыльца. У всех жильцов были свои, закреплённые за ними участки, так что из окон комнаты и кухни вид на огород был, как на ладони. Так среди чернозёма земли мне встретился большой серый, почти белый комок, который являлся образованием будущего камня – его зародышем. Мне впервые в жизни пришлось наблюдать зарождение камня. Признаюсь, что тогда я обратил не очень большое внимание на этот эпизод. Но много лет спустя я увидел по телевизору, как в горах Кавказа на полях каждый год появляются камни, я его вспомнил и понял, что камни могут зарождаться и возникать из ничего: там, где для них есть соответствующие условия. В Каменец-Подольском такие условия были: он стоит на скальных породах.

Мама сразу же устроилась на работу в школу.

А мы с сестрёнкой Ритой были предоставлены сами себе. Мы не были беспризорниками в прямом смысле этого слова, но свобода — опьяняла...

Слева от огорода проходила тропинка к общественному туалету. Около огорода по линии дома в 10 метрах находился в то время уже заброшенный колодец, недалеко от которого я и обнаружил зарождающийся камень. Чуть дальше вверх рос огромный тутовник. Чуть ниже колодца слева находился подвал, врытый в землю. Он был рассчитан на две семьи. Там мы летом хранили сметану, молоко и т. п., а также всякую не нужную мебель и утварь, а в самом начале — дрова.

Следующий дом по поперечной улице находился в метрах пятидесяти, и был одноэтажным.

Глухая его стена выходила на наш и соседский огороды. Вдоль этой стены росло несколько плодовых деревьев — алычи. Деревья были настолько большими, что верхушки были выше крыши, и я часто, чтобы избежать заслуженного наказания, взбирался по ним на крышу и там прятался, лёжа на краю железной крыши и упираясь в жёлоб. Сначала мама не знала, где я прячусь, а затем, узнав, приходила к дому и просила меня спуститься оттуда и не разбиться. Тем самым я часто избегал наказания.

В Каменец-Подольском я продолжил учёбу в 4-ом классе. Пришлось осваивать украинский язык, который почему-то мне не давался. (Это потом принято было решение, что дети военнослужащих не обязаны изучать местный язык).

По приезде в город, я прожил менее четырёх месяцев.

Мне было 11 лет, когда я сбежал из дома на фронт к отцу. А потом я приезжал в Каменец-Подольский к маме и Рите только на каникулы, а затем и в отпуска. Но это было уже после 51-го года.

Обида на отца за то, что он бросил маму, руководила ею всю жизнь. Также сильно она была обижена на меня, за то, что я убежал к отцу на фронт. Она не раз обвиняла меня в предательстве, в том, что я предпочёл отца, и т. д. и т. п. Соответственно, и она и Рита считали, что я за содеянное, должен быть обязанным, и находиться перед ними в долгу...

А, ведь, БАТЯ платил на Риту алименты, кроме того, помогал при каждом обращении Риты к нему за помощью, а также содержал меня и Женю...

А теперь слово взяла Я – Ираида Владимировна.

Не удержалась, хотя мои воспоминания о Каменец-Подольском относятся к более позднему периоду – 1961 году, когда мы Виктор уже были женаты и он привёз меня первый раз в Каменец-Подольский.

Но уж очень хочется рассказать о моих незабываемых впечатлениях, которые произвела на меня эта первая и многие другие поездки в Каменец-Подольский – этот тёплый и родной Виктору – город.

Итак – 1961 год. Украина. Каменец-Подольский.

Каждый год мы ездили весной на Украину, а осенью в Бе-

лоруссию. Это были незабываемые поездки: сначала с грудными детьми, собаками, палатками, примусами и сковородками, позже – с маленькими внуками и всё теми же причинами. Это то, что касается поездок на машине, а до того, когда мы были ещё «безлошадными», мы добирались на поездах и автобусах...

Почему Украина и Белоруссия? Ну это очевидно: на Украине, в Каменец-Подольском жила Витина мама, а в Бресте – Батя.

Все поездки осуществлялись в одни и те же сроки. Весной мы использовали майские праздники, присоединив к праздничным дням все отгулы и, если их не накопилось, то брали несколько дней за свой счёт. А осенью – ноябрьские праздники. Мы ездили в Брест. С Батей было проще – он был на нашей свадьбе, вот с Витиной мамой и сестрой были сложные отношения. Вера Николаевна и Анатолий Евстафьевич разошлись ещё в годы войны. Он просто к ней не вернулся. Виктор, будучи одиннадцатилетним мальчишкой убежал к отцу на фронт и тоже больше к матери не вернулся. Она приезжала к нему в Дзержинку, когда он уже начал работать и жил в общежитии. Но это не наладило их отношений до уровня теплоты и доверия. Витина мама упрекала его за то, что он их бросил. Они, т. е. мама и сестра Рита считали, что Витя все эти годы купался в довольстве и достатке, променяв их на сытую и, как они предполагали, богатую жизнь. Хотя Батя регулярно им помогал и высылал посылки с отрезами

тканей и подарками для Риты. В общем, они считали Виктора предателем и не могли этого простить ему всю жизнь.

Кроме того, было и еще одно событие, которое наложило ещё более негативный отпечаток на их отношения – это наша свадьба. Виктор долго думал, как выйти из этого положения и ничего не придумал... Если позвать маму, Батя обидится и не приедет. И, хотя Вера Николаевна очень хотела увидеть Остапыча, Виктор предполагал, что ничего хорошего из этого не получится и пригласил только отца. Матери он даже не сообщил, что женится. Об этом они узнали от моих тёток, которые проживали тоже в Каменец-Подольском. Обиды выросли в кубе.

Тем не менее, мы получили письмо с поздравлениями и приглашениями приехать в гости. Сразу же воспользоваться приглашением мы не могли по целому ряду событий. Мы поженились в ноябре 1959 года. Летом 1960 года, 22 июня погиб мой брат. В августе я сдавала приёмные экзамены в институт и была принята в Менделеевский химико-технологический. А 27 августа я родила маленькую Ёлочку.

Зимой работала и училась. Но всё пережитое наложило на меня такое тяжёлое впечатление, что нервы не выдержали и, правда с опозданием, но случился нервный срыв, и я попала в больницу – местное физиотерапевтическое отделение. Экзамены в весеннюю сессию я не сдавала, и пришлось брать академический отпуск...

Все подробности этих событий включены в последующие

книги нашей саги – «Энциклопедия наших жизней». Если я не ошибаюсь, первый раз на Украину мы поехали летом 1961 г.

Маленькую Стэллочку мы оставили у моих родителей. Днем её носили в ясли, а вечером её забирали деды. Мы с Виктором получили возможность чуть ли не один единственный раз из нескольких случаев за всю прожитую жизнь отдохнуть без детей.

Мы ехали на Украину поездом. Я не помню, кто нас встречал, знаю только, что Вера Николаевна ждала нас дома.

Дом – это старое холодное сооружение из крупного камня, рассчитанное на две семьи. Но в доме жило несколько семей, т. к. заселены были и полуподвальные помещения. Вход к семье Дудко был со двора. По каменным ступеням надо было подняться на широкое крыльцо, откуда вело две двери в сени одной и другой квартир. Из сеней или, правильнее сказать – коридорчика, дверь направо вела в верхнюю половину дома, состоявшую из трех комнат. Поскольку кухни не было, первая комната была приспособлена под неё. Справа стоял в углу – баллон с газом. Рядом – плита, потом столик для готовки. Не помню что стояло в середине комнаты – то ли печка, которой никогда не пользовались, нет, скорее всего большой стол, на котором стояли кастрюли, мылась посуда и т. д. За столом вдоль стены стояли вёдра с водой, помойное ведро, в которое бегали ночью по нужде и ещё какая-то хозяйственная утварь.

А печка, действительно была в углу. И обогревала она все остальные комнаты тоже, выходя в каждую из них одной из своих сторон.

В дальнем левом углу кухни стоял холодильник.

Из кухни входили в столовую, где стоял в правом углу – сервант, а дальше – диван, на котором спала Вера Николаевна, когда приезжали гости. Посредине комнаты стоял стол, который можно было раздвинуть и усадить за ним кучу гостей. Одно окошко, также как и в кухне, выходило во двор, а второе – на дорожку, которая вела на улицу. И, наконец, последняя комната – спальня Веры Николаевны. В углу стоял разложенный диван. По левой стене – шкаф с книгами. В основном это были учебники по географии, которую преподавала Витина мама. По моему было ещё трюмо, но точно не помню.

Окно выходило на улицу. Через дорогу располагался старый заросший парк. Высокие разросшиеся деревья диких каштанов и грецких орехов. В парке петляло множество узких корявых тропинок, которые все выходили к крутому берегу реки – Смотрич, которая через несколько километров впадала в реку Днестр, по которой до 1939 года проходила государственная граница.

Окна в доме никогда не раскрывались и были упакованы старой потемневшей от времени и пыли ватой, поверх которой были разложены ёлочные игрушки. Нас поселили в этой комнате. Поскольку открывать окна не полагалось, мы

открывали форточки. По утрам в них просачивался свежий воздух из парка и вместе с ним монотонное гуканье горлиц – диких голубей.

В этом доме прошёл кусочек Витиного детства на Украине.

Я не могу жаловаться на Веру Николаевну. Мне повезло. Со свекровью жить не пришлось, кроме коротких встреч во время наших приездов.

При Вите она вела себя больше задумчиво, чем агрессивно. Но, когда я оставалась одна, она спешила выговориться и выплескивала все свои горькие обиды. Я пробовала что-то возражать, оправдываться, но она не слышала меня – так велика была её материнская боль, может быть, частично обоснованная. Все мы были в юности, да и в детстве тоже, немного жестоки по отношению к близким. Все свои обиды, которые Вера Николаевна и Рита накопили на Остапыча, они перенесли на Виктора и при случае как-то пытались это показать...

Это всё я рассказала для того, чтобы обрисовать обстановку, тем более, что она не менялась год от года. И каждый раз, когда мы приезжали на Украину, мы заставляли одно и то же. Здесь ничего не менялось...

В памяти об этих поездках у меня остались самые тёплые впечатления. Может быть потому, что я прожила в детстве несколько лет в Киеве и сама атмосфера Каменец-Подольского навевала на меня уйму неосознанных воспомина-

ний. Выше улицы Шевченко, на которой стоял этот старый дом, располагалась ещё одна улочка, а выше – ещё одна. И весь этот район был разбит на кварталы, разделёнными друг от друга тротуарами и не широкими дорогами, вымощенными не асфальтом, а брусчаткой. Камни были по краям иссечены временем и ручьями, сбегавшими во время дождей сверху – все эти улочки тянулись куда-то вверх. И каждый камень брусчатки в середине был отполирован миллионами ступней, прошедших по ним за их вечность. Мне казалось, что от каменных покрытий тротуаров исходит тепло, а в солнечную тёплую погоду, наверняка так и было. И когда я вспоминаю Каменец-Подольский, закрыв глаза, я вижу перед собой эту улочку, слева от нашего дома, по которой я ходила в магазин, именно эту и эти тёплые камни. И у меня возникает до щемящей боли желание пройти по этим камням босиком, ощутив их теплоту так, чтобы подошвами ног вспомнить далекое прошлое...

И ещё мне запомнились в Каменец-Подольском привозы. Каждую субботу и воскресенье, из всех пригородных сел, а иногда и из дальних – из смежных областей Украины: из Бессарабии, из Приднестровья, из Молдавии, в город съезжались крытые грузовики с товарами. Это был самый дешёвый рынок промтоваров. Почти в центре, на майдане располагался рынок, состоящий из двух больших территорий. На одной располагались крытые павильоны: рыбный, мясной и молочный. А на свежем воздухе протянулись рядами при-

лавки с навесами. Там продавали овощи, фрукты и т. п. товары. В выходные и праздничные дни продуктов продавали столько, что мест на прилавках уже не оставалось, и рынок распространялся по земле – везде, где только было можно, так что приходилось перешагивать через сумки и мешки с овощами.

На второй половине рынка, представлявшей собой большую площадь, в будни было пусто, стояло лишь небольшое количество грузовых и легковых машин. Зато в дни привоза там тоже было не протолкнуться. Сельские машины занимали места вдоль всего периметра забора и рядами по площади. Перед машиной устанавливались колья, к которым привязывали верёвки. Это было ограничением для площадки, на которой стелился брезент и выкладывались товары. Чего тут только не было: трикотаж модный, бельё, посуда, домо-тканые ковры из Молдавии, импортные товары и т. д. и т. п. Учитывая, что в Москве такого обилия не было, мы ходили на этот рынок в дни привоза, как на выставку. У нас всегда была с собой небольшая сумма денег, ассигнованная для покупок. Но сумма была, как правило, небольшая, а купить хотелось и то и то... Поэтому мы очень долго ходили по этому привозу, пробиваясь сквозь толпу, поближе к машинам и высматривали и – приценились... И, наконец, мы что-нибудь покупали себе, а чаще – детям. Я помню, как в одну из поездок именно здесь мы с Витей купили себе болоньевые плащи, которые только вошли в моду.

Не менее любопытными были походы на продуктовый рынок. Когда мы приезжали в Каменец-Подольский, все расходы на питание мы брали на себя. Но на рынок мы ходили с Верой Николаевной. Она учила меня выбирать продукты, а я расплачивалась. Но картина «выбора» продуктов напоминала эффектную сцену из жизненного спектакля.

В мясном павильоне прилавки были закрыты с внешней стороны стеклянными витринами, на которых сверху были наложены куски мяса. Вера Николаевна сначала несколько раз проходила вдоль прилавка туда и обратно в толпе таких же медленнодвигающихся женщин, а иногда и мужчин. Присмотрев то, что показалось достойным вниманием, бабушка Вера кидалась к прилавку и запускала всю пятерню в кусок мяса. Но, т. к. кидалась к этому куску не только она, в мясо вцеплялась нередко и чужая рука какой-нибудь тётки. Тогда начинался спор, кто первый выбрал этот кусок. Наконец, овладев добычей, бабушка Вера начинала его щупать в полном смысле этого слова. А в процессе ощупывания бабушка начинала торговаться... В конце концов, ей удавалось немножко выторговать стоимость покупки, и мясо отправлялось в сумку.

Но самой любопытной процедурой была покупка сметаны. В молочном павильоне на открытых прилавках были выставлены баночки с деревенской сметаной такой густоты, что ложечки в них стояли перпендикулярно, не опускаясь вглубь банки. Вера Николаевна начинала с крайней селянки, спра-

шивала – "А почём ваша сметана?" и протягивала ей руку тыльной стороной вверх. Селянка мазала ей по руке сметаной. Бабушка медленно слизывала эту сметану с руки, закатывала глаза в раздумье вверх, потом в сомнении качала головой и... переходила к следующей продавщице. И так она проходила вдоль всего ряда. Я каждый раз думала, что она должна была, после такого количества проб, обьесться сметаной на всю жизнь... Но нет, этот спектакль повторялся каждый раз и всё в той – же последовательности. Наконец, когда сметанный ряд кончался, Вера Николаевна уверенно направлялась к одной из селянок и говорила мне – "Вот эта сметана самая лучшая". И мы покупали одну или две банки густой вкуснейшей сметаны. Потом мы так же выбирали творог и яички.

На открытом базаре мы докупали фрукты и овощи. Их продавали кучками, на десяток. Молодая картошка была очень дорогая и продавалась тоже кучками.

Закупив всё это, мы проходили к дальней дощатой стене базара, вдоль которой расположились продавцы с живностью. Бабушка выбирала кур... Ей их показывали кур, держа за лапы, головой вниз. Курица била крыльями, но её держали крепко и вырваться она не могла. Бабушка щупала курицу, заглядывала в её жопку.

Определяя не жирная ли она от старости, затем опять длились торги... Причём оценка курицы бабушкой и торговкой была настолько противоположной, что я по наивности дума-

ла, что зачем покупать такую плохую курицу, как говорит бабушка? Наконец, торговка обиженно умолкала и отворачивалась. Бабушка Вера отходила в сторону, а через некоторое время возвращалась и спрашивала – "Ну так как уступишь за этудохлую курицу?" Ей уступали... И курица запихивалась в верёвочную сетку, в которой ей было очень неудобно... С тяжёлыми сумками мы возвращались домой с победой...

Когда я ходила одна на рынок или с Витей, я не торговалась. Во-первых – не умела, а во-вторых стеснялась, не знаю почему, но меня смущала уверенность торговков. Кроме того, русских там не любили. Часто могли просто не ответить на вопрос и отвернуться, если спрашивали по-русски. У бабушки уже выработался местный акцент и слова перемежались русские с украинскими. А мы с Витей были настоящими кацапами...

В Каменец-Подольском много исторических мест. Это и Старый Город, расположенный на другом берегу речки Смотрич. И Старая Крепость, сохранившаяся на высоком холме, может быть – горе...

Особенно сильное впечатление на меня произвели рассказы о том, как немцы во время войны производили массовый расстрел евреев. Их вели через весь город, на окраину, где раскинулся широкий и глубокий ров. Евреи шли нескончаемой вереницей, покорно, понуро, поддерживая друг друга. Им не на что было надеяться. Они были обречены. Говорят, охраны было немного. Немцы патрулировали по обеим сто-

ронам колонны на большом расстоянии друг от друга. Тем не менее, никто из движущейся толпы не пробовал бежать или сопротивляться.

Рассказывают, что немцы обратились к местным богатым евреям и предложили заплатить выкуп за Каменец-Подольских евреев. Было собрано много золота и других драгоценностей. Но немцы обманули. Золото взяли, но вместе с ним арестовали и местных.

Я не помню, как называется этот ров. Мы туда не ездили. Наверное, там должен быть построен мемориал... Вечная им память...

ЧАСТЬ 4

Побег на войну

На фотографии, в нижнем ряду – Виктор с отцом (отец – слева).

На оборотной стороне фотографии рукой отца написано: – Г. Величка Польша июль 1945 г. ИНТЕН-ДАНТСКИЙ ОТДЕЛ 38-ой АРМИИ. ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ. События 1945–1948 г.г.

В Каменец – Подольском я задержался ненадолго, хотя сам об отъезде я никогда и не помышлял.

Однажды к нам зашёл молоденький сержант. Он привёз весточку от отца. Рассказывал нам о боях, победах и о потерях, о солдатской верной дружбе...

И, чем больше он рассказывал, тем сильнее мной овладевало острое желание увидеть всё своими глазами. Мне было 11 лет и, естественно, никаких трудностей между желаемым и действительностью я не видел. Решение созрело быстро. Отец был где – то рядом, на 4-ом Украинском фронте. Я хочу его увидеть и должен его найти. Я не помню, как я сумел уговорить сержанта взять меня с собой, тем более, что только часть дороги нам была по пути.

Матери и сестрёнке я ничего не сказал. Таким образом, из дома я сбежал на фронт.

День Победы я встретил на фронте. Казалось бы, в этом моём неординарном поступке, все события должны были сохраниться ярким воспоминанием. Но мне было всего 11 лет и, к сожалению, в памяти осталось далеко не всё, что я видел и узнавал. Поэтому мой рассказ состоит из отрывочных воспоминаний, которые чётко врезались в мою детскую память.

От города Каменец-Подольского до города Проскурова (ныне город Хмельницкий) по старой разболтанной одноколейной железной дороге регулярно ходил пассажирский поезд, которым мы и добрались до станции вблизи Гречаны. Там уже регулярно проходил поезд, идущий до города

Львов.

Как мы добирались до Львова, покупали ли билеты – этого я не помню, но во Львов мы попали.

Когда поезд подходил к станции, мы на обеих платформах увидели большое количество людей, большинство из которых были местные жители. Нам объяснили, что все они (как бы сегодня назвали – ехали с каким-то товаром с целью осуществить бартер) хотели что-то обменять на еду, а некоторые везли еду в обмен на какие-нибудь товары.

Вокзал тоже был забит людьми. Сержант сбегал к коменданту и получил информацию, что поезда, кроме как из Киева, ходят нерегулярно, что вскоре подойдёт поезд на Перемышль, но на него давно нет билетов. Комендант только отметил сержанту в предписании дату прибытия во Львов. Мы вышли в город. Львов запомнился как город с узкими очень чистыми улочками, выложенными булыжниками.

Из Львова дальше нам надо было попасть в город Перемышль, который тогда был уже в Польше. Поезда туда ходили нерегулярно. Решено было ехать без билетов – на подножках вагонов. Этот вариант нам подсказали некоторые военнослужащие. Однако, желающих ехать было очень много, причём у всех имелась какая-нибудь поклажа – чемоданы, мешки, узлы и другие вещи. У меня ничего не было, а у моего сопровождающего – солдатский вещмешок. Это существенно облегчало нам процесс запрыгивания на подножку и зацепления за поручни движущегося вагона. Пассажир-

ские вагоны поезда были старого довоенного типа, с почти плоскими крышами, с трубами посередине вагона. У некоторых вагонов имелись лесенки, ведущие на крышу. Попасть на подножку подобного вагона считалось огромной удачей, так как можно было подняться наверх на крышу и там, уцепившись за трубу обеими руками, немного отдохнуть, и даже, иногда, и поспать. Подножки у вагонов были низкими, а дверь в тамбур вагона была несколько утоплена внутрь вагона, что позволяло разместиться на подножках несколькими людям. Когда началась посадка на поезд, то проводники буквально «грудью» стояли у входа и никого не пропускали без билетов. Можно было наблюдать, как некоторые пассажиры, буквально, влезали в узкие окна вагонов (много лет спустя в одном из кинофильмов была показана такая посадка в старый вагон!).

Мы находились в предгорьях Карпат. Дорога была не прямая и, кроме того, она – то шла в гору, то – под гору (скорость поезда в этом случае обычно возрастала). Запомнился мне такой эпизод.

Поезд подходил к какой-то станции. Издали было видно, что там выставлено оцепление с обеих сторон. Вёз нас паровоз типа «Овечка» – маневровый, слабенький, других просто тогда не было. Он долго и медленно тормозил. С подножек посыпались «зайцы». Когда поезд подошел к перрону, на подножках уже никого не было. Большинство «зайцев» в обход станции по путям ушли вперёд, чтобы можно было на

ходу вскочить на подножку, когда поезд, медленно, набирая скорость, отойдёт от перрона за сцепление. Мы последовали примеру остальных. Причём, люди помогали друг другу, не отталкивали.

Мы ехали в предгорьях Карпат. Станции и полустанки всегда находились на ровной площадке, а дорога шла вдоль холмов то вверх, то вниз. Начиная движение, паровоз сначала сдавал назад, а затем двигался вперёд, причём колёса вращались быстро – быстро, проскальзывая по рельсам, и только потом, медленно, набирая скорость, поезд начинал движение вперёд.

Недалеко от границы, наконец, мы попали внутрь вагона. Кругом были только одни военные.

В нашем вагоне – солдаты. Я для них как весточка из дома. Угощали всем, чем могли. Когда пересекали границу, а она была уже закрыта, пересечь её можно было, имея соответствующие документы, которых у меня, естественно, не было. Все это знали. И, когда в вагон зашёл патруль для проверки документов, ребята предложили мне залезть под нижнюю полку (в этих старых вагонах под всеми нижними полками было пустое пространство такое, что можно было просмотреть вагон из конца в конец) и там затаиться. Когда патруль подошёл к нашему купе, ребята встали и сапогами закрыли меня, по очереди предъявляя проездные документы. Таким образом, мне удалось пересечь границу.

Я оказался на территории Польши. Поезд пришёл в Пере-

мышль. Перед войной Перемышль входил в состав СССР. В первый день войны немцы заняли город, однако, пограничники, совместно с прибывшим подкреплением освободили его и удерживали ещё семь дней.

По Польше мы продвигались, кажется, на попутных машинах. Дальше я помню понтонную переправу через пограничную довольно широкую реку Одер. Переправились мы через Одер с польской стороны на – немецкую.

Наконец, я в Германии! Стою я рядом с девушкой – регулировщицей. Мой сопровождающий, сбегав куда-то, сказал, что ему дальше прямо, а мне налево в сторону Чехословакии, где сейчас находится 4-ый Украинский фронт. Так я и остался стоять рядом с регулировщицей.

Маленький мальчишка вызывал у проезжавших массу вопросов. Мне повезло: остановилась легковая машина, кто-то спросил у регулировщицы, что за пацан стоит рядом с ней.

Она сказала, что этот мальчишка ищет отца в пределах 4-го Украинского фронта. В машине ехал начальник штаба 38-ой армии 4-го Украинского фронта генерал Епишев, который забрал меня с собой. Мы поехали в направлении Чехословакии. Сколько мы ехали и как ехали, я не помню. Приехали в город Моравская-Острава.

Помню большую комнату (сейчас я бы назвал её кабинетом), я стою в дальнем углу её, а прямо против входной двери длинный стол, за которым сидел генерал. Он вызвал помощника и приказал – «найти, и привести капитана Дудко».

Через некоторое время открывается дверь и входит стройный высокий военный.

– Товарищ генерал по вашему приказанию капитан Дудко прибыл – отрапортовал он.

– Капитан, вы никого не узнаете в этой комнате? – спросил генерал.

– Нет – оглядываясь, – ответил он.

Мы не виделись с конца 41-го года, когда мне было семь лет, а сейчас был 45-й год, война кончалась, и мне уже в феврале исполнилось – 11 лет, за это время я немного подрос, да и не мог он предположить, что я появлюсь здесь. Поэтому, не удивительно, что он сразу не узнал меня. (Кроме того, вызов к высокому начальству переполошил всё вышестоящее руководство отца, да и лично его самого тоже).

– Это Ваш сын – указывая на меня, сказал генерал.

А я бросился к отцу на шею. Радость моя была безмерной. Больше мы с отцом не расставались.

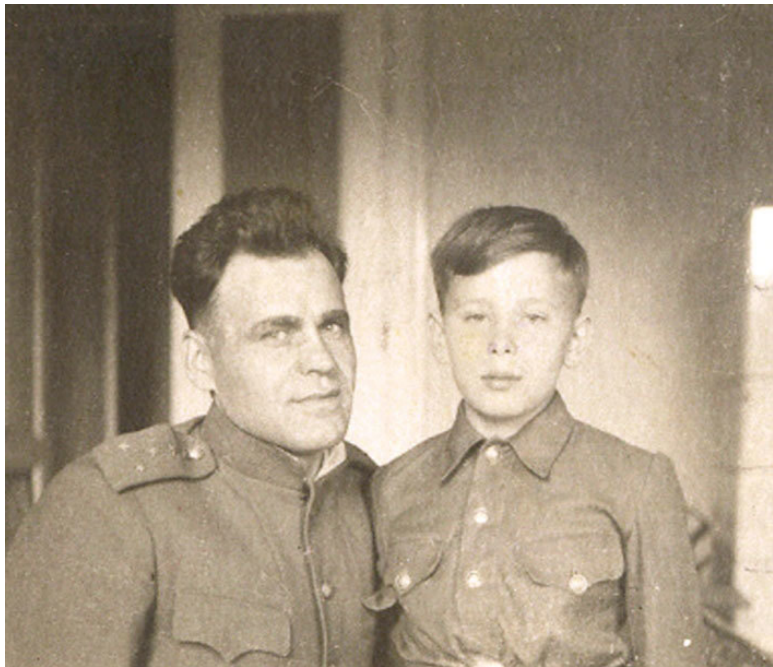
КУТНА – ГОРА, МАЙ 1945 г. Отец – в верхнем ряду крайний слева

Дальше Моравской-Остравы штаб 38-ой армии, а именно в нём служил отец, не продвигался.

Отца позже наградили чехословацким орденом – медалью «За храбрость». Война для 4-го Украинского фронта с официальным сообщением об окончании войны не закончилась. Ещё почти месяц пришлось очищать территорию Чехословакии от немецких групп и укрепрайонов (ведь, немцы, в первую очередь, аннексировали большую часть Чехословакии).

Некоторое время мы пробыли в городе Моравская-Острава. Здесь я впервые увидел живых фрицев. Я помню, как пленные немцы цепочкой друг за другом, без конвойных, шагали на какие-то работы по бровке, рядом с тротуаром (немцы всегда были дисциплинированными). В каждой группе было не больше десяти человек. На тротуар они никогда не заходили, на робах у них были круги, как на мишенях. Местные жители их не любили. С нашими солдатами у них были нормальные отношения.

Ещё мне запомнилось, что улицы и тротуары в городе, дорожки в скверах и парке всегда были чистыми: ни мусора, ни грязи.

Моравская-Острава 1944 год Мой отец – Анатолий Евстафьевич Дудко и я – Виктор

Моравская Острава 1944 год

На фотографии слева – мой отец Анатолий Евстафьевич Дудко и я.

Мне сшили или, может быть, подобрали военную гимнастёрку и брюки.

Я стал похож на солдата, только у меня не было погон.

В ночь с восьмого на девятое нас разбудили выстрелы и крики. Оказалось, что кончилась война и мы победили, хотя как я уже упоминал, что войска 4-го Украинского фронта ещё почти месяц вынуждены были воевать (конечно, было обидно погибать, когда всё кончилось!).

Генерал вызвал нас обоих к себе и сказал, что составляются списки для награждения всех участников медалью «за Победу», и предложил включить меня в них. Отец ответил, что в боях я не участвовал, сыном полка не был, а всего лишь сбежал из дома на фронт к отцу, и всё время был рядом с ним, награды он не заслужил, а поэтому награждать его не стоит. Хотя мне, как мальчишке, конечно, хотелось похвастаться медалью, но тогда я полностью был согласен с отцом.

– Не стоит, так не стоит – согласился генерал...

Затем армия стала возвращаться домой на Родину. Двигались мы по югу Польши. Первое, что запомнилось мне – это город Краков. Сам город я не помню (в него мы не въезжали).

А помню красивый огромный замок, большой пруд, высокие деревья, ветви которых свисали прямо в пруд (вероятно, – ивы), ровные и чистые широкие дорожки, вдоль которых ровными рядами стояли, кажется, тополя.

Больше ничего не запомнилось.

Потом мы несколько дней находились в небольшом городке Величка. Он запомнился тем, что рядом были соляные шахты. Все побывали в них, но меня, как я не упрашивал, не взяли: маленьких в шахты не брали.

Отец много и интересно рассказывал, как там было интересно. От света фонарей стены штреков светились разноцветными огоньками, было сухо и светло, температура была постоянной и, говорят, целебной, если не идёт добыча со-

ли. Шахтёры здесь выдерживали несколько лет, а затем либо уходили на пенсию, либо, заболев, умирали от болезни лёгких.

Поляки, в большинстве своем нас, советских, не любили, и старались чем-либо навредить. Так рассказывали об отравлении нескольких солдат, которых напоили водой.

Здесь у меня проявились коммерческие наклонности. Вместе со штабом переезжал военторг. В нём было всё, но товары отпускались только военнослужащим. Я в него заходил, как свой, а продавщицы пускали меня за прилавок.

Однажды один поляк попросил меня купить ему расческу. При этом денег (злотых) он дал больше, чем она стоила, а сдачи он не взял и даже благодарил меня. Мне это понравилось, и я стал для поляков по их просьбам, приобретать всякие мелочи (я никогда не брал вещи, не заплатив их истинную цену). Спустя некоторое время у меня скопилась приличная сумма в злотых, которую я захотел отправить маме на родину. А как это сделать я не знал. Я пришёл на нашу почту, в руках у меня довольно большая пачка злотых, а мне всего 11 лет, и на почте я впервые. Я стал спрашивать, и пока я спрашивал, вызвали отца. Он пришёл и осуществил своё расследование. Затем провёл со мной политико-воспитательное мероприятие, а не беседу. После этого я в своей жизни никогда не интересовался никакими коммерческими вопросами: это был урок на всю жизнь.

К концу августа 1945 года и начала сентября армия вер-

нулись в Союз. При переходе границы нашу колонну обстреляли, говорят – бендеровцы.

Остановились мы в городе Станиславе (ныне – Ивано-Франковск). Здесь мы жили в одном из трех трёхэтажных зданий, находившихся прямо напротив товарной станции. Прожили здесь более двух лет, пока отец не уехал служить в Германию...

Так завершился определенный этап моей жизни.

Однажды в городе Величка офицеры штаба (и я с ними) 58-ой армии сфотографировались на память. Спустя много лет, эта фотография из альбома моего отца перешла ко мне. Смотрю на неё и многое переживаю заново.

Будучи взрослым, в дни Победы я не один год ездил сам, а позднее с детьми, в парк Горького. Я часами стоял, держа эту фотографию в руках, или ходил и разыскивал среди таких же как я, отцовских и своих однополчан. Но, к сожалению, ни разу никого не встретил...

Я решил продолжить поиск через газету.

В январе 2005 года мы с Ирой подготовили чуть сокращённый вариант этого рассказа и решили его отправить куда-нибудь в газету ко дню Победы. Но пристроить её нам долго не удавалось.

И только где-то в марте, через свою знакомую – Вику, работающую на телевидении, дочка вышла на корреспондента «Московского Комсомольца» Елену Павлову, которая пригласила нас в редакцию, где и взяла у меня двухчасовое ин-

тервью.

Я отдал ей и набросок рассказа, и ряд фотографий. Штатный фотограф сфотографировал меня (хотя снимок никуда не попал). Из всего этого получилась статья, напечатанная в «МК» за 06 мая 2005 года, за что я ей весьма благодарен.

6 мая я позвонил в посёлок и некоторым товарищем из группы, где я учился в МАИ. Позвонил также Тоне и Юре в Минск. Это я хвалился, хотя делать этого не надо было. Мои бывшие сокурсники удивились – почему я за годы учёбы в МАИ, ни разу не рассказал о своём побеге на фронт в детстве? Но я об этом никому вообще никогда не рассказывал.

Дело в том, что я к матери больше не вернулся, а остался жить с отцом. Мама была уверена, что мне – ребёнку, не могла самому прийти в голову мысль о побеге. И, что вся эта история была задумана и осуществлена отцом, приславшим к нам в дом сержанта. А меня на всю жизнь она заклеила страшным словом – предатель.

По сути, убежав к отцу, я, действительно, предал маму и сестрёнку. Я не жалел о своём поступке, но определённое чувство вины в душе осталось на всю жизнь.

Статья в Московском Комсомольце называлась – «ПОСТУПОК» с подзаголовком: «ПОЛ-ЕВРОПЫ ОН ПРОШАГАЛ, ПОЛ-ЗЕМЛИ».

В заголовке к статье допущена ошибка – ветераном войны я не стал...

ПОСТУПОК

День Победы в 1945 году 11-летний пацаненок Витя Дудко встретил не дома — на Украине, а на фронте — в Чехословакии. Нет, он не был сыном полка — родителями бог мальчишку не обделил. Витин папа ушел воевать в самом начале войны. Его-то весной 45-го и отправился искать мальчишка на фронт, тайком от матери, не осознавая всю опасность путешествия. Витя прошагал пол-Европы, чтобы увидеть отца. И нашел его — в Чехословакии!

ПОЛ-ЕВРОПЫ
ПРОШАГАЛ ОН,
ПОЛЗЕМЛИ

когда подъехал к перрону, "левых" пассажиров на поезде уже не было: "зайцы" бегом в обход станции пробрались вперед, чтобы можно было на ходу вскочить опять на подножку, когда поезд, медленно набирая скорость, отойдет от перрона за оцепление. Причем люди помогали друг другу, не отталкивали никого локтями.

Недалеко от границы с Польшей Витя попал внутрь вагона. Кругом — одни военные.

— Пересечь границу можно было только по документам. У меня их, конечно же, не было. Все это знали. И, когда в вагон зашел патруль, бойцы засунули меня под нижнюю полку. Когда патруль подошел к нашему купе, ребята встали, вроде как для приветствия пограничников, и сапогами закрыли меня. Так, стоя, они по очереди предъявляли свои проездные документы. С помощью этой маленькой военной хитрости мне и удалось пересечь государственную границу.

■ ■ ■

Свое путешествие по Польше Виктор Анатольевич помнит смутно. Вспомнил только pontонную переправу через Одер.

— Переправились мы через Одер с польской стороны на немецкую. Наконец я в Германии! Здесь наши с моим провожатым пути разошлись. Мне надо пробираться в сторону Чехословакии — именно туда переместился 4-й Украинский фронт, где воевал мой отец.

Уехал сержант на попутке, а Витя остался стоять рядом с девушкой-регулирующей. Маленький мальчишка вызывал у проезжавших массу вопросов — кто, откуда, куда едешь. И вдруг рядом остановилась легковая

Отец и сын Дудко встретились в Чехословакии. Июль 1945г.

11-летний мальчик
стал ветераном войны

машина. Пассажир окликнул регулировщицу и строго спросил, что за малец. Та ответила, что парень ищет отца, который где-то на 4-м Украинском.

Когда мы вернулись в Союз, отец был направлен для продолжения службы в город Станислав.

В Станиславе отец жил со своей, как принято было называть – ППЖ – «походно-полевой женой». Насколько я помню из чьих-то рассказов, та женщина, с которой БАТЮ застала Вера Николаевна, и была та самая Полина. Она была известной полковой женщиной свободного поведения. Последним её спутником во время войны оказался БАТЯ. Когда он захотел с ней расстаться, она пошла к командованию и нажаловалась. Поскольку у командования в этом плане с ней тоже были связаны свои воспоминания, они встали на её сторону. Бате было предложено или жениться, или... В общем, вероятно, чем-то они ему пригрозили... И поэтому просто так с ней расстаться ему не удалось.

В период нашего нахождения в Станиславе, отец развёлся с моей мамой.

В анкете у отца записано: «Бывшая жена Дудко Вера Николаевна, брак расторгнут 27 июня 1946 года, свидетельство № 8 – выданное Станиславским Городским Бюро ЗАГСа».

Помню, что 5-ый, 6-ой и половину 7-го класса я проучился в Станиславе. Мне запомнилось, что в этих классах были прекрасные преподаватели истории древней Греции и древнего Рима и отличные учебники, по которым мы изучали историю и, особенно, мифы. Эти мифы я запомнил надолго,

так что много лет спустя, будучи в музеях Ленинграда и других городов, я вспоминал, что означает та или иная картина, написанная по мотивам того или иного мифа или истории.

Учась в Станиславе, в начале января 1948 года я вступил в комсомол – раньше 14 лет, чем всегда гордился.

После Батя уехал служить в Германию, а тогда уже детей с собой не брали. А меня переправил в семью своего брата Миши, который жил во Фрунзе.

Мама и Рита так и остались жить в Каменец-Подольске.

События 1948–1950 г.г.

После войны, когда отцу пришел вызов в Германию (тогда запретили брать детей в Германию), меня отправили к дяде Мише, родному старшему брату отца во Фрунзе. Отец регулярно высылал деньги на моё содержание.

В 7-ом классе я начинал учиться в Станиславе (ныне – Ивано-Франковск), а оканчивал в городе Фрунзе. Закончил я его с огромным трудом и то только потому, что тётя Катя – жена дяди Миши, была известным преподавателем в городе, и работала в той же неполной средней школе, где учился я. Здесь же мне пришлось осваивать киргизский язык (кажется, они только что перешли на кириллицу, вместо латыни!).

Мой отец – в Берлине.

На фотографии он – слева

Мой отец – в Белине Он стоит – справа

На фотографии – в нижнем ряду: Екатерина Фёдоровна и Михаил Евстафьевич, мама всех братьев Дудко (моя бабушка) и мой отец – Анатолий Евстафьевич.

В верхнем ряду: – Толик (младший сын тёти Кати и дяди Миши), я (Виктор) и ещё один брат моего отца – Сергей Евстафьевич, который со своей семьёй тоже проживал в городе Фрунзе.

Семья дяди Миши жила в доме, находящемся на улице революционера Логвиненко. Дом представлял Г-образное глинобитное сооружение и всё это считалось одним домом – N 81, так как находились под одной камышовой общей крышей. Нельзя сказать, что этот Г-образный дом был коммуналкой, но на самом деле – в каждой квартире, состоящей из одной комнаты, проживала – отдельная семья и ничего общего у этих семей не было, кроме крыши. Правда, был – общий двор и туалет. Квартира дяди Миши находилась в конце первого дома и имела крохотную прихожую. Из прихожей шла дверь в единственную комнату, в которой ютились: дядя Миша, его жена – Екатерина, сын их – Толик и я. У входа во второй дом находилась первая квартира. В ней много позже поселился его младший брат – Петр Евстафьевич Дудко с молодой женой – Татьяной, учительницей по профессии.

В следующей квартире второго дома жил мой друг Владилен, его братишка – Вовка и их мама. Весь дом был покрыт тростником толщиной чуть ли не в полметра. Стены дома были из самана, но без соломы, толщиной в метр или несколько больше. Поэтому, когда бывали землетрясения, у нас только раскачивалась лампочка под потолком.

В комнате было одно окно, довольно небольшое, выходящее на улицу, поэтому в ней всегда царил полумрак, когда на дворе было пасмурно. А – второе окно было в прихожей и выходило оно во двор дома. Стены внутри комнаты были побелены В нашей «квартире» – у дальней от входа глухой

стены была расположена печь с большой плитой, на которой готовила еду тётя Катя. Чем мы питались, и где и как я спал – не помню. Голодным я никогда не был.

В прихожей ничего не было и не стояло. Туалет был во дворе против входа на пригорке, метрах в двадцати от дома. Пригорок по высоте равен высоте дома. Туалет обнесён глиняным забором в 1,5 м. высотой. Внутри были положены две доски (или бревна), заменявших – пол. Сзади двора забора не было, то есть двор не был замкнут. И, от туалета – тропинкой можно было пройти на соседнюю улицу, чем мы постоянно пользовались.

Воспоминания о городе Фрунзе мне очень дороги, может быть, потому что в нем прошла уже в сознательном возрасте – часть моего детства и юности – до момента поступления в институт.

ШУРОЧКА – первая моя любовь

Здесь я встретил мою первую любовь – Шурочку. Здесь я занимался спортом, в котором преуспел. В этом городе мне знакомы все улочки и тропки, парки и стадион... Поэтому, когда я вспоминаю какой-нибудь эпизод из этой поры моей жизни, перед моими глазами всплывают те пейзажи и дома, которые вызывают ностальгию.

К сожалению – повернуть вспять прожитые счастливые мгновенья – невозможно...

Город Фрунзе построен таким образом, что в верхней части, ближе к горам, находился вокзал, от которого вниз шли две широкие аллеи всегда хорошо обихоженного бульвара, который тянулся до дома Правительства (несколько кварталов).

Дом Правительства в то время – это широкое пятиэтажное здание, слева от него, на противоположной стороне – находилась школа, в которой учились девочки, чаще всего дочери верхушки Правительства и ЦК.

Дальше, после бульвара, – через квартал, находился цирк, в который мы, мальчишки, старались пробраться к третьему отделению, когда начинали выступать борцы.

В направлении вокзала, за школой располагался большой парк, в котором недалеко от входа, находилась танцплощадка, работавшая по вечерам за деньги (она была огорожена высоким трёхметровым железным забором).

Внутри парка находился Государственный театр оперы и балета Киргизии имени Манаса (былинного народного, очень почитаемого героя Киргизии).

При театре была балетная школа и хореографическое училище. Я, когда ещё учился в 7-м классе, вместе с другом Владиленом поступил в это хореографическое училище.

Одним из стимулов поступления было то, что учащимся выдавали рабочую карточку (500 г. хлеба). Мальчики почти не поступали в училище, поэтому нас приняли без особых проволочек. Нас учили классическому и историческому танцам, сценическому искусству и самому для нас ненавистному – французскому языку.

Изредка нас вместе со старшеклассниками использовали в массовках на некоторых спектаклях.

Как долго мы находились в училище – я не помню, нас отчислили, как нам после рассказывали, за некорректное поведение на занятиях. Нам давали в училище кушать суп. Почему-то этот суп был всегда гороховый. Отсюда, естественно, очевидны и последствия гороховых супов – мы портили воздух и притом громко. Это повторялось при каждом па...

И, наконец, преподаватели не выдержали...

Мы лишились хлебного пайка и горохового супа, но зато обрели полную свободу.

Намного дальше – где-то находился базар, на котором первое время торговал разливным бочковым пивом дядя Миша.

На бочках был пробит литраж бочки, который всегда не совпадал с фактическим объёмом. Считалось, если он был больше – навара было больше. Дяде приходилось платить экспедитору за «хорошую» бочку. Летом пиво и в то время быстро расходилось. Водка тогда стоила дорого, да и потребляли её немного.

Слева от вокзала, от железнодорожных путей вниз, шла широкая улица, параллельная нашей улице Логвиненко. По этой улице я несколько раз ходил вверх в горы, до которых было несколько километров, – кататься на лыжах. Сейчас пройти так нельзя – там в предгорьях правительственные дачи.

Если от нашего дома пройти вверх, то там проходила очень широкая (почти в три ширины обычной) поперечная улица, которая влево уходила в сторону города Кант и далее на озеро Иссык-Куль далеко в горы. А вправо – в сторону родины семьи Дудко – села Содового, а также ещё нескольких украинских поселений.

Недалеко от нас находилась русская православная церковь, в которой я, к сожалению, ни разу не был. А чуть дальше, на углу нашей улицы находилось либо училище, либо педагогический институт, (не помню), в котором учились только одни киргизские девочки. Это было многоэтажное (в два или три этажа) здание.

Остальные дома на нашей стороне улицы были одноэтажные, кроме соседнего – справа от нашего дома, где, по слу-

хам, жил бай. Но и его дом был саманным, двухэтажным. Стена нашей комнаты и комнаты Владилена служила забором для дома этого бая.

Только наша сторона улицы была жилой. А – напротив – на несколько десятков метров протянулся забор, который загораживал какую-то технику.

Мы с Владленом ходили в начальную школу, в 7 класс. В этой школе работала учителем тётя Катя. Затем я перешёл в школу № 1, находившуюся выше за перекрёстком, которая, начиная с нашего выпуска – стала средней. За этой школой невдалеке – находился университет.

А ещё чуть дальше начинался парк имени Панфилова (который в городе и в Алма-Ате формировал свою дивизию). Справа от парка находился стадион, а чуть выше него – открытый бассейн.

(Сейчас уже ничего этого нет).

Там, где-то начиналась дорога, ведущая в Чуйскую долину (название от реки Чу), где в нескольких километрах от города начинаются украинские сёла.

Ещё в Столыпинские времена, в эти места переезжали переселенцы, в основном – с Украины.

Поэтому сёла, построенные ими, по своему виду и подобию напоминали Украинские. Выстроившись вдоль дороги, тянулись белые хаты и обязательно – с вишнёвыми садами (и другими плодовыми деревьями).

Я несколько раз ездил на родину отца в село Садовое на велосипеде.

И, где-то там вдалеке, где кончалась наша улица, находилось русское кладбище. Там похоронены мои дед и бабушка. Деда я никогда не видел.

Кстати, в том числе, и на кладбище никогда не был, да и никто меня туда не водил.

Эта часть города была по своей сути – пригородом. Там участки, внутри которых находились частные домики. Улицы и переулки были узкими и не мощеными (т. е. земляными).

Когда первый раз отец отправил меня к дяде Мише, он с собой привёз пистолет ТТ, спрятав его на чердаке в тростниковой крыше. Один раз, после очередной драки на танцплощадке, я вернулся домой и взял его с собой. Он был тяжёлый и неудобный для переноски. К моему счастью применить его не пришлось. Но моё ощущение непередаваемо: я чувствовал себя человеком, которому всё нипочём, все доступно, я никого и ничего не боялся.

Драка давно закончилась, обидчиков не было. Я вернулся домой и положил пистолет на старое место. С тех пор я никогда его не брал. И только недавно одному из родственников рассказал о нём и о месте его захоронения. Что с ним стало дальше, я не знаю, хотя дом стоит до сих пор.

На бугре, когда я в 1950 году после спартакиады ездил в Брест, дядя Миша построил дом. За домом находился уча-

сток, где дядя Миша посадил огород и вырастил сад. (Мне он иногда снился, что я что-то сажаю и выращиваю, хотя я практически на нём никогда не работал).

Здесь во Фрунзе со мной произошёл следующий случай, когда я шёл по широкой тенистой улице. Сорвавшаяся с цепи, огромная овчарка положила мне на плечи лапы. Все перед этим на улице разбегались и прятались, а хозяин бежал и кричал, чтобы не боялись пса. И я не испугался и погладил пса. Хозяин долго благодарил меня, а я с тех пор никогда не боялся собак.

Когда хозяева дома, где временно проживала моя девушка – Шура, уехали в отпуск, мне пришлось менять миски с едой у злющего пса, признававшего только хозяина. Кроме того, у нас во дворе была собака овчарка, но как её звали, и ухаживал ли я за ней – не помню.

Мы всю жизнь держим собак. Но первые мои воспоминания о собаках связаны с Фрунзе.

Запомнился случай с зажигалкой дяди Миши.

Дядя часто и много курил. Однажды для заправки зажигалки дядя принёс спирт. Я стал заправлять зажигалку над помойным ведром, отверстие для заправки было маленьким. Спирт пролился сначала на левую руку, которой я держал, а затем и на правую, в которую я взял зажигалку, чтобы проверить её работоспособность.

Я крутанул колёсико: от искры вспыхнуло всё: и зажигалка, и обе руки, и помойное ведро. Я бросил зажигалку в вед-

ро и с криком выскочил сначала во двор, а затем стал бегать, размахивая руками, вокруг квартала и кричать от боли. А надо было сунуть руки в карманы брюк, где они погасли бы – без кислорода. После того, как спирт выгорел, я ещё долго бегал и размахивал руками, обдувая тем самым – обожженные руки. Было нестерпимо больно. Кто-то посоветовал посикать на больные места, (как всегда мочи, когда надо – не было). Я выдавил что было. Значительно полегчало. Очень больших волдырей не было. Вскоре всё зажило и прошло... Но запомнилось!

Выпивать я стал в лет 14. Пиво я не пил и не любил его, хотя в первый год иногда помогал дяде, когда он торговал на рынке пивом – собирать пустые кружки (потом он перешёл на другую работу).

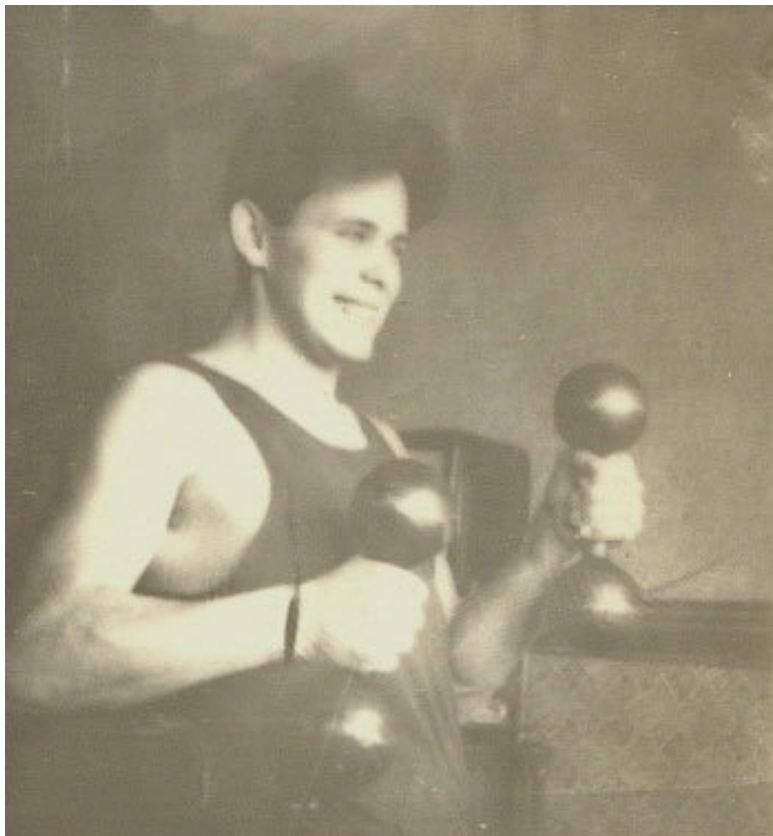
Обычно по праздникам у кого-нибудь из друзей варили самогон, и мы пытались незаметно попробовать первача, но это бывало достаточно редко.

Здесь же я впервые побывал на свадьбе у Зайцевых – двоюродной сестры моей мамы – Евгении Аристарховны Покровской, которая в это время тоже проживала во Фрунзе. Саму свадьбу я не помню. Помню, что было много самогона, и я здорово поднабрался. Когда уходил со свадьбы, которая проходила во дворе или в доме частного владения, обнесённого высоким забором, я не смог открыть калитку в воротах. Тогда я залез на трёхметровые ворота, благо с этой стороны были какие-то поперечные балки, и спрыгнул вниз. Каково

же было моё удивление: от толчка ноги при приземлении калитка открылась! Мне стало себя жаль!!!

Часть 5

Спорт, спорт, спорт...

На фотографии – Виктор крайний слева.

Спортом я стал заниматься в городе Фрунзе, когда окончил 7-ой класс. Вначале я стал, как и все ребята, играть в баскетбол. Все мы были ребятами из 7-х и 8-х классов. Вдоль дороги на Кант было несколько баскетбольных площадок, на которых мы играли против ребят из других школ. Однако, все мы были небольшого роста. Это не позволяло всегда выигрывать.

Недалеко от нас находился сад имени Панфиловцев. Справа от него располагался городской стадион. Если идти

по парку вдоль стадиона, то за ним находился открытый бассейн. Я как-то зашёл туда. Там тренировались ребята. Тренер заметил мою заинтересованность плаванием и предложил мне заниматься. Я засмутился: я же совсем не умел плавать. Да и где мне было учиться, если большой воды, кроме некоторых рек и больших арыков, я не видел. Но я согласился и, прыгнув в воду, забарахтался, поплыв стилем «лягушка». Тренер предложил мне заниматься в секции и я стал учиться плавать брассом. Вскоре я стал неплохо плавать.

Из моего дневника:

8 августа. Понедельник. (1949 г).

... В пять часов пошёл в бассейн на тренировку.

Проплыл 100 м и – чертовски устал. Потом проплыл 200 м. Сначала шёл хорошо, но на последней сотке «сдох». Еле доплыл до финиша. Всё это – оттого, что я не тренировался целый месяц.

Сегодня узнал, что может быть Детспортшкола организует поездку в Алма-Ата. К этому времени надо нужно будет войти в спортивную форму. На районных соревнованиях между разными школами города, я на 100 и 200 метров брассом занял второе место. На городских соревнованиях я также занял вторые места (у меня сохранились свидетельства). Проходя мимо стадиона, я увидел бегунов. Мне тоже захотелось попробовать. И когда проводились соревнования между школами, я попросил преподавателя физкультуры заявить меня на бег 100 и 200 метров. И я стал выигрывать: сначала между

школами, затем на районных, потом, и на городских соревнованиях.

Меня заметил тренер Хулапа, который был чемпионом республики в беге на 100 и 200 метров. Он тренировал и сборную республики по лёгкой атлетике. Он предложил мне заниматься.

На стадионе во Фрунзе и в Ленинграде

Мне надо было выбирать между плаванием и лёгкой атлетикой. И я выбрал последнее. Мне купили кроссовки, сначала потрёпанные, затем почти новые. Дела у меня пошли. Я стал известен: часто выигрывал забеги, как уже упоминал, на 100 и 200 метров, причём, лучше дела у меня шли при забегах на 100 метров. За заслуги в спорте в честь 25-летия ЛКСМ Киргизии меня наградили: – выдали грамоту (допустив ошибку в написании фамилии «т» вместо второго «д» – Дутко вместо Дудко) и подарили фотоаппарат с 6 см фотоплёнкой «Любитель». Это первый мой приз. Вначале меня часто в итоговых протоколах именовали Дудкова – «наградить Дудкова...».

Сборная города Мой номер был – 19

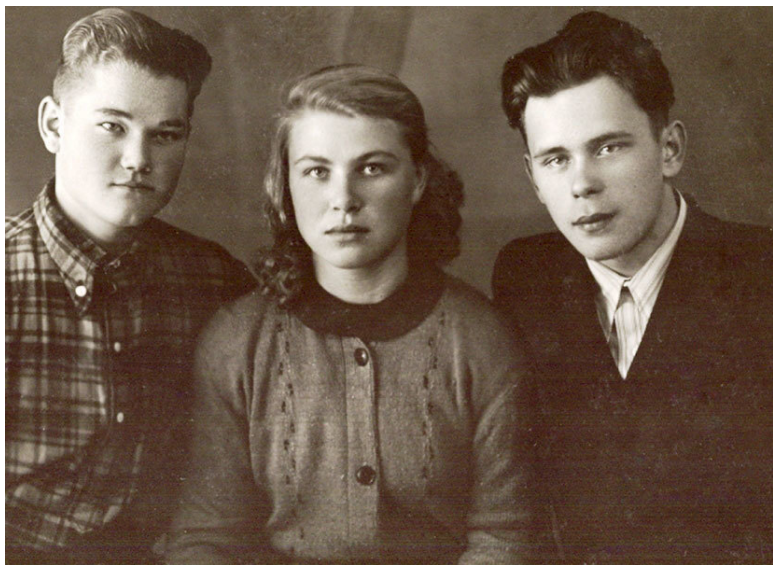
Из моего дневника: 25/1–51. (г. Фрунзе)

..... В честь 25-летия ЛКСМ Киргизской ССР за спортивные достижения получил фотоаппарат «Любитель». Надо обзавестись деньгами и попробовать начать фотографировать. Действия аппарата уже изучил коротко, осталось проверить на практике, да грош пока нет. Если займу у кого-нибудь, то 27 схожу и куплю фотоплёнку и, если хватит, то про-

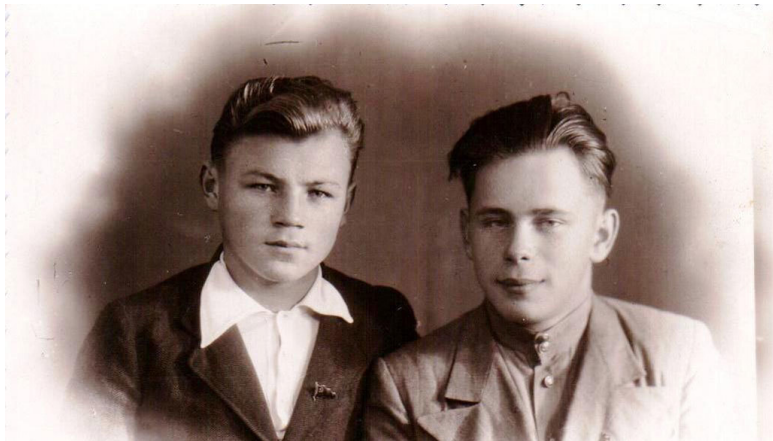
явитель и закрепитель (фиксаж) куплю.

А остальное понемногу будем покупать позже. В общем, первой сфотографирую Шуру. Потом сфотографируемся втроём (Влен должен приехать или 29 или 31).

Справлять новоселье (т. е. встречу, может последнюю) будем у Шуры в день юбилея республики 1 февраля.... (Шурочка – это первая и самая сильная любовь. Про такую говорят – это один раз и на всю жизнь...).

На фотографии – ВЛАД, ШУРОЧКА и ВИКТОР

На фотографии – Хакимов и Дудко Виктор

Тренировался я вместе с моим товарищем и соперником Хакимовым. То я опережал его, то он меня. Мы участвовали во всех соревнованиях, которые проходили на нашем стадионе.

У меня лучше всего получался бег на 100 метров, хотя я бегал и 200 метров, и участвовал в эстафетах 4×100 и 800×400×200×100, участвовал также и в прыжках. Соревнования были юниорские (юношеские) и взрослые, в которых я тоже участвовал, где встречался со своим тренером, изредка, опережая его. Хотелось бы отметить, что бег на короткие дистанции – это не лёгкое дело. За короткий промежуток времени и надо отдать все свои силы, всю энергию, выложиться полностью. Это порыв, это полёт, это как взрыв!

Из дневника Виктора: 29/X-50 г. (г. Брест)

.....спорт – пробежать 100 за 11,2, диск за 33 м и высота 160 – всё это я смогу сделать.....

Я сам ставил перед собой задачи и мне удавалось их выполнять...

В 1950 году я попал в сборную республики, которая собиралась на Всесоюзные юношеские соревнования, проводимые в Ленинграде. Сначала были сборы, где нас кормили по талонам, на которые местные спортсмены покупали сладости (конечно, мы обменивали талоны). Наконец, мы собрались командой, сели в поезд и поехали сначала в Москву, затем в Ленинград, который тогда был ещё закрытым для посещения городом.

Ехали мы целых 7 суток. В Москве два или три человека не пришли на вокзал, они остались подавать документы в ВУЗы, как говорили. В Ленинграде мне запомнилось то, что везде было – мало народа. Все были вежливыми, уступали места всем женщинам и пожилым людям, с чем мы не встречались нигде, даже в Москве.

Жили мы в какой-то школе, недалеко от небольшого стадиона, где мы проводили тренировки.

Сборная команда из Киргизии на соревнованиях в Ленинграде

Виктор – рядом с тренером – справа от него

Команда Киргизской ССР у только что восстановленного фонтана «Самсон»

Вдали виден не восстановленный тогда ещё Петровский дворец.

Съездили в Петродворец, где побывали у всех, открытых к тому времени фонтанов, в том числе у вновь отлитого и восстановленного знаменитого фонтана Самсона. За все экскурсии и посещение дворцов и фонтанов мы платили один раз и не очень дорого.

Открытие олимпиады проводилось на только что построенном стадионе имени Кирова, который наша олимпиада и открывала (было очень много зрителей: стадион был полон).

А сами соревнования проводились и на других стадионах и площадках.

Из-за отсутствия некоторых членов команды нам пришлось участвовать в непривычных видах. Например, мне пришлось идти спортивным шагом на 5000 метров. Я не умел ходить. Тем не менее, я закончил соревнование вторым или третьим, правда – от конца. В своих видах мы тоже не отличились: не попали даже в полуфиналы. Действительно, мы с Хакимовым бегали в районе 12 секунд, иногда выбегая за них: 11 с хвостиком, который ближе к 12. А в стране уже бегали за 10,5. Наша сборная среди республик была не последней. Это немного утешало (очень сильно мы не переживали, так как все среднеазиатские республики отставали в развитии спорта).

Наша сборная была действительно интернациональной: в ней были киргизы, русские, украинцы, узбеки, дунгане, татары и даже была чешка Власта. Правда, мы не были сплочённой командой.

После возвращения из Ленинграда, где я посмотрел на лучших юных бегунов страны, я понял, что для быстрого бега нужно освоить ударный бег (шаг), когда каждый шаг, как первый со старта. Мне это стало удаваться, тренер всё время меня поддерживал. Результаты сразу повысились: я стал бегать быстрее, где-то за 11 с малым хвостиком. Правда, только на дистанции 100 метров, на 200 и тем более на 400 мне не хватало скоростной выносливости.

Я стал чемпионом республики. Правда, соревнований почти не было. Зимой мы не занимались.

Мой отец возвратился из Германии в Брест, где он купил полдома. Он вызвал меня к себе в Брест. Здесь я научился ездить на мотоцикле BMW. Мне сшили костюм у портного, где-то под Брестом, в деревне, куда мы с отцом ездили на мотоцикле.

Я стал ходить в школу N 1. Но учиться я стал неважно. И, так как это был выпускной класс, а во Фрунзе я был отличником, решено было опять отправить меня к дяде Мише во Фрунзе. Вот этот перерыв в тренировках и сказался на моих результатах. Так что я оказался не прав относительно своего тренера.

Когда я опять вернулся из Бреста во Фрунзе и стал опять бегать, но восстановить прежние достижения не смог. До последнего времени я считал, что тренер специально растренировал меня, так как я подбирался к его высшему достижению. Но это оказалось не так.

Весной, в начале лета 1951 года, я участвовал во всех соревнованиях, проводимых на нашем стадионе.

Я помню, как за мной прибежали из школы: все уже сдали экзамен по иностранному языку, а я прыгал в длину. Пришлось всё бросить и бежать в школу, благо она находилась недалеко от стадиона. Я сдал экзамен – на отлично без подготовки.

Хотелось отметить, что, спустя несколько лет, у входа на стадион повесили табличку, на которой были приведены фамилии всех чемпионов как взрослых, так и юниоров. Там была и моя фамилия (этого я сам не видел, но мне писали). Сейчас на месте стадиона стоят дома, а его самого уже нет.

Когда я начал учиться в институте, то почему-то у меня не было желания заниматься спортом. Хотя на первом курсе МАИ я участвовал в соревновании, где на 100 метров занял почётное 8 место по институту. А затем, когда уже начал работать в НИХТИ, на соревнованиях между отделами, опередил зам. директора Венгерского – в беге (он занимался спортом).

И тогда же я занял второе место в прыжках в длину. На этом все мои достижения в спорте закончились.

Правда, спорт одарил меня на всю жизнь несколькими полезными качествами: осталась быстрая реакция на внешние раздражители, хорошая интуиция, позволяющая принимать решения с опережением, и большое почти круговое зрение (значительно большее 120 градусов). Всё это не раз спасало мне и всем, кто был рядом, – жизнь, особенно – когда был за рулем на машине.

Кататься, бегу на коньках я научился зимой после первого курса. Рядом с общежитиями, напротив дома культуры, находился стадион МАИ. Зимой его, обычно, заливали водой: получался отличный каток. До 11 часов он был платным, а после можно было кататься хоть всю ночь, хотя освещение отключали. Но кругом было достаточно других фонарей. На стадион приходили не только студенты, но и окрестная молодёжь. Я купил коньки, называемые «норвежками». Быстро научился бегать, а затем и кататься. Конечно, сначала много падал, но овладел коньками достаточно быстро.

Научился я делать почти все фигуры, бегать задом, останавливаться почти мгновенно. Так как этот тип коньков не предусматривал всего этого, то я приходил на каток, который был бесплатным, ночью часов в 11 или позже, когда на катке находилось немного народа. Бегал я очень хорошо и достаточно быстро. После бесплатных катаний на стадионе, несколько раз я был в парке имени Горького, где выдавались коньки напрокат, а также в парке Сокольники, в котором заливались многие аллеи.

Коньки с ботинками до сих пор у меня хранятся дома (зачем – не знаю: думаю своеобразная ностальгия). После института я больше никогда не одевал коньки.

В течение детства и юности я попробовал свои силы во многих видах спорта. Правда, мне не удалось овладеть спортивным сексом, но он тогда был не в моде. Может быть, ещё овладею... Шутка...

2004 год. Фотомонтаж к 70-летнему юбилею Виктора.

На фотографии – вырезка из полотна, сшитого из

грамот, полученных Виктором за победы на различных спортивных соревнованиях во Фрунзе. Общая длина этого полотна – 2,5 метра – от потолка до пола.

**Я и Хакимов на стадионе в Ленинграде 1950 г.
(на фоне моих грамот)**

Когда мне исполнилось семьдесят лет, мы торжественно его отмечали. Подготовили фотомонтаж, огромную географическую карту, на которой отметили горные дороги и перевалы, которые мы прошли на автомашине и соорудили боль-

шое полотно, сшитое из моих грамот за успехи в спорте. Было приятно смотреть, как гости удивлялись моим спортивным успехам, достигнутым мною в молодости и которых они никогда не слышали.

Если б в старости могли, то, что в молодости умели...

Следующий мой рассказ охватывает мои воспоминания об учёбе в 10-м классе во Фрунзе, и о первой моей любви... Это относится уже к событиям 1950–51 г. г., когда мне исполнилось уже -16 лет.

Правильнее будет это всё отнести в Главу – «ЮНОСТЬ ВИКТОРА».

А это означает, что я сейчас прощаюсь со своим детством теперь уже – навсегда...

Глава 2

Юность Виктора

Часть 1

Родился брат Женя

До этого времени, в основном, шёл рассказ о Викторе.

Потом, когда появился Женя, уже нельзя говорить только о Викторе и об его отце, которого мы потом всегда называли просто – БАТЕЙ.

Женя – это последняя надежда БАТИ. Все остальные дети были, как говорят – отрезанные «ЛОМТИ» от единого каровая...

Жизнь БАТИ была неразделима с младшим сыном. Он старался вложить в него всё, что не додал старшим детям, в первую очередь – общение и любовь отца. Жизнь БАТИ и Жени, и всё, что они переживали вместе, это – одно целое...

Бердин 1049 год Родители Жени – Анатолий Евстафьевич и Александра Лаврентьевна Дудко

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

ПОВТОРНО

Гражданин – Дудко Анатолий Евстафьевич
возраст.....

39 лет

.....о чём в книге
записей актов гражданского состояния о
браке.....

Родители Жени находились в Группе Советских войск в Германии.

Отца откомандировали в распоряжение Западного военного округа, штаб которого располагался в Минске. Александру Лаврентьевну, вероятно, уволили. Они приехали в Минск, где сняли жильё.

Отца направили служить в Брест на выплатной пункт. Он поехал в Брест, где в пригородном селе Адамково, сначала снял полдома, а затем купил полдома по улице Медовая 3.

Пригород Адамково потом присоединили к городу. Дом находился рядом с веткой железной дороги, по которой товарные вагоны перегонялись на перегрузочную площадку: из западных вагонов (они шли по меньшей колее) товары загружались в восточные вагоны (они шли по широкой колее). Поэтому ветка имела эти две колеи или четыре рельса.

Пригород Адамково выглядел, как деревенский посёлок. Таким он и остался до сих пор.

Женя родился в БЕРЛИНЕ.

Повторно.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гр. ДУДКО ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился 14. 06. 1949 года четырнадцатого июня
тысяча девятьсот сорок девятого года.

Место рождения ребёнка:.....

гор. БЕРЛИН ГЕРМАНИЯ.... о чём в книге записей
актов гражданского состояния о рождении

1949 года июля месяца 20 числа
произведена соответствующая запись за
..... №.....

....

Родители:

Отец – Дудко Анатолий Евстафьевич
национальность – Украинец

Мать – Дудко Александра Лаврентьевна
национальность – Русская

Место регистрации ЗАГС при Советской военной
Администрации в
Германии.....

Дата выдачи – «7» сентября 1962 года.

Печать..... 11-ПА № 385318

Облажива.....

Зав. Бюро актов гражданского состояния

Исполкома Мособлсовета депутатов
трудящихся.....

Когда родители приехали с Женей в Союз, Александра Лаврентьевна (Женина мама) первое время жила отдельно, в Минске, а БАТЯ обустроивался в Бресте.

И только потом, когда Батя купил половину дома с участком, его жена с маленьким Женей переехала в Брест. Это был – 1950 год.

И письма от неё были написаны тоже в 50-ом.

В Минске снимали частную комнату.

Сохранился соответствующий ДОГОВОР.

ДОГОВОР

15 февраля 1950 года. Г. МИНСК.

Мы, нижеподписавшиеся, Бушлакова Оксана Марковна, проживающая г. Минск, ул. Издательская, дом № 23, кв. 1., с одной и гражданин Дудко Анатолий Евстафьевич с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. Гражданка Бушлакова О. М. сдаёт в аренду комнату, размером 15 кв. метров, сроком на три месяца.

2. Гражданин Дудко Анатолий Евстафьевич оплачивает гражданке Бушлаковой арендную плату по 300 (триста) рублей в месяц и вносит квартплату за три месяца вперёд в сумме 900 (девятьсот) рублей.

3. Договор может быть расторгнут сторонами при предварительном предупреждении за две недели до расторжения договора.

4. В случае освобождения квартиры раньше обусловленного срока, гражданка Бушлакова возвращает обратно арендную плату за весь период не использованного срока проживания в квартире, обусловленной арендной платы (пунктом первым).

5. Арендная плата в сумме 900 (девятьсот) рублей вносится при подписании договора.

6. Квартплата начинается с 15.02. 50 г.
КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА – БУШЛАКОВА
ГРАЖДАНИН – ДУДКО

Сохранилось несколько писем от Жениной мамы – Анатолию Евстафьевичу.

Александра Лаврентьевна писала в Брест БАТЕ...

ЗДРАВСТВУЙ, АНАТОЛИЙ!

Привет и самые наилучшие пожелания в твоей службе, а главное, быть здоровым, не огорчаться, и меньше на всё реагировать. Как говорят, – «Чему бывать, того не миновать».

Пятого получила твоё письмо, признаться по правде, которое очень ждала.

Хотелось поскорее узнать, как тебя принял Брест, как устроился с работой, какие условия с квартирой. Но, оказалось, твоё предположение было правильное. Я так разочарована, что не хотела бы ехать и видеть его больше. Досадно, а что поделаешь? Не принимай близко к сердцу. Всему своё время. Будем надеяться на лучшее будущее.

А вот с питанием ты постарайся побыстрее сделать всё возможное, ибо это тебе необходимо, как воздух. Попроси кого только можно из гражданских, чтобы через день покупали для тебя на рынке яичек, масло сл., сметану и творог, так как эти продукты храниться долго не могут. Масло сливочное заливай холодной водой, и меняй воду ежедневно. Оно сохранится дней 7. Сметану, творог нужно уничтожать за сутки. Яички

могут лежать несколько дней. Это, чтобы ты сделал обязательно, и не голодал.

По части Туркестана подумай ещё раз сам, я этой местности совсем не знаю и спросить не у кого. Только помню ещё со школьной скамьи такой стих:

ТУРКЕСТАН БЕЗ ВОДЫ – ЭТО ЖЁЛТЫЙ
ПЕСОК,
НИ ДОРОГ, НИ ПОЛЕЙ, НИ АУЛА,
ТОЛЬКО РЁБРА ХОЛМОВ, ДА ГОРЯЧИЙ ПЕСОК,
ДА СУХИЕ КУСТЫ САКСАУЛА.

Хотелось бы пожить в Центре Союза, а раз такие условия, я готова ехать хоть куда, только пугает переезд.

За твоё отсутствие получила письма от Виктора и Петра, и поздравительную Первомайскую тебе из Фрунзе, которые пересылаю одновременно, в другом конверте.

Женя стал хорошо ходить, уже без всяких затруднений проходит два раза от зеркала до двери, когда ему никто не мешает, начиная с 3 МАЯ.

Соскучился за тебя, и нет того дня и часа, когда бы он не произнёс твоё имя – «ПА». А, когда стоит на диване, то обязательно приподнимает занавеску, вытянет свою головку, и кричит – «ПАПА! ПАПА!». Вот не знаю, какая у него будет встреча с тобой. Стал умный мальчик, и с каждым днём становится всё лучше, привыкает к самостоятельности. Уже не разрешает маме поить его из чашки, действует самостоятельно.

Очень резко выражает упрямство, если мама ведёт

его в одну сторону, а ему захочется в другую, то обязательно своего добьётся, та же история и с чашкой.

Приближается середина мая. Осталось всего 10 дней. Что у тебя слышно по части нашего переезда. Паспорт я не получила, и не получу, поскольку требуют справку такого содержания – где и на какой должности работаешь ты и твою прописку. А без паспорта я не могу оформить вклад, а срок – 13 мая.

На рынке цены снизились яички, например, стоят 6–7 руб. десяток, масло сл. – 30 руб. кг., а мясо мы теперь не покупаем.

Да, пока не хотела тебе писать, но вынуждена – от замка Аксана утеряла ключ, попросили у соседей теперь. Нина вынула пробой и очень легко можно открыть без каких-либо трудов. И вот, мне приходится не спать всю ночь и быть на страже.

Оксана предлагает ввести его в коридор (мотоцикл), а я думаю, не было бы хуже, ибо Элла может отвернуть какой винт, и выведет машину из строя.

Вот всё. Крепко целую, до скорой встречи.
ШУРА 7. 05. 50 г.

11.05.50 г. ЗДРАВСТВУЙ, АНАТОЛИЙ!

Прими привет и наилучшие пожелания в твоей работе.

Как дела у тебя, что предвидится по части нашего переезда, скоро ли будешь сам в Минске?

У меня сегодня сумасшедший день.

Во-первых, встала в 6 часов утра, до 10 часов

окончила стирку белья. В 11 часов пошла в домоуправление, где пробыла до 12 часов, откуда, не заходя домой, заняла очередь на получение паспорта. Затем пошла за Женей, ну, и тут начались наши хождения.

Тот, кто принимает документы, придрался – почему нет фотокарточки на паспорте. Без неё он не считается документом, направляет меня к начальнику паспортного стола, который крутил – вертел все мои документы, вплоть дело дошло, что он попросил мой партийный документ и задаёт такой вопрос – почему я сдала удостоверение МИД в министерство. После ответа «обрадовал», что мне придётся поехать в свой район и там заменить.

Пришлось пойти к начальнику, тот, после долгих колебаний, всё же дал разрешение на выдачу. Завтра, если не изменит своё решение, то, как будто, получу в 6 вечера.

Ой, я не верю, неужели окончились мои хождения. Пришли домой. Время ровно 15 часов. Так устала, что ни руками, ни ногами не тронусь, и голова не варит. Женя, бедный мальчик, так устал, что как пришёл до дому, покушал и сразу уснул.

Мы с ним ежедневно делаем прогулку в поисках С. Но пока, после тебя ни разу не достали.

Часто встречаем Шаколу. Он просит коляску.

Жду твоего решения и ск. взять.

Погода стоит сухая и ветреная, жары нет. Вот всё на

сегодня, что будет завтра, сообщу. Крепко целую.
ШУРА.

Пересылаю в этом конверте письмо от Лиды Кириченко и адрес – П \ П 21673

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, А. Е. И ШУРА!
С ПРИВЕТОМ – ЛИДА!**

Ваше письмо я получила, большое спасибо, что всё же не забыли.

Вы пишете, что Солдатенко молчит. Вам не отвечает. Я ему сказала, что Вы обиделись на него.

Он говорит, что где-то потерял адрес ваш, вот поэтому и не ответил, теперь хочет у меня взять адрес и написать Вам.

Теперь немного о себе. Где я работаю, вы знаете. Игнатьев ещё работает, должен в мае уезжать, и Полетаев собирается. Болдаковы совсем уехали. Компанец, уехал Корниенко, Апенкина, Маркина, в общем, 45-ый год. Я собираюсь ехать в июне в отпуск, из дома получила письма, всё пока в порядке. Праздник провели хорошо. Был вечер, но ввиду того, что я водку не пью, то я только посмотрела и ушла.

Начали усиленно заниматься физкультурой, как это при вас было. Погода эти два дня 1–2 мая была тёплая, ходим в платьях.

Вы просили мой домашний адрес: «Ростов – Дон. Ул. Станиславского, 66, кв. 7, этаж 4». Ну, фамилию, надеюсь, не забудете. Если получите назначение,

заезжайте. Ну, вот и всё.

Привет от Полетаева, Игнатьева, Солдатенко, Люды, Семченко.

Я ему передала привет, он посмеялся. С товарищеским приветом и пожатием руки –

ЛИДА (ДИВЧИНКА) 3.05.50 г.

БРЕСТ 1950 год БАТЯ – Анатолий Евстафьевич

Александра Лаврентьевна в письме упоминает мотоцикл, который купил БАТЯ и хранился он в Минске.

ДОВЕРЕННОСТЬ

Настоящем доверяется Капитану тов. Дудко Анатолию Евстафьевичу получить один мотоцикл на заводе БМВ гор. Айзенах по наряду № 0586 от 23.9.49 г. за наличный расчет.

Собственную ручную подпись (подпись А. Е.) удостоверяю.....

(Печать)

НАЧАЛЬНИК УМТО СВАГ /ХОМУСЬКОВ/

.....

На этом мотоцикле я в Бресте научился ездить, когда мы ездили в деревню к портному – еврею. Трудности вождения заключались в том, что надо было водить мотоцикл по пескам, которых так много в окрестностях Бреста, так как приходилось ездить по бездорожью.

А песок, как вода на свежем асфальте.

Мотоцикл служил БАТЕ долго. Оказывается и техосмотр на мотоцикл нужно проходить так же, как на автомашину.

СПРАВКА

АВТОМАШИНА Гос. Номер..... БИ – № – 21

Прошла технический
осмотр..... полу
годовой

.....
27 апреля 1953 г.

Госавтоинспекция Брестской области

.....
.....

В Бресте, переехав в половину купленного дома, БАТЯ и А. Л. устроились удобно и уютно. Переехав из Берлина, БАТЯ привёз контейнер с вещами, приобретёнными в Германии на зарплату в течении двух лет. Кроме мебели и хозяйственных вещей, были и уникальные, которые и сейчас имеют ценность. Это прекраснейший столовый сервиз и многое другое.

В последующие годы БАТЯ подарил нам к свадьбе немецкий настенный большой ковёр, и отдельные предметы из сервиза. Они сохранились до сих пор и стоят у Стэллы в застеклённой горке. Это две супницы, соусница и пара тарелок. Часть сервиза перешла к Тонечке (жена Жени) и Жене. Это не только раритет, но и память о БАТЕ и Жене...

ДОБАВЛЯЕТ ИРАИДА...

Кстати, с этим сервизом связано воспоминание, говорившее о моей чрезмерной наивности, или доверчивости, гра-

ничащей с глупостью.

Однажды, когда Женечка, будучи лет десяти, может быть – двенадцати, гостил у нас в Дзержинке, увидев в серванте тарелочку от этого немецкого сервиза, стал меня убеждать, что эта посуда не бьётся.

И я, взрослая женщина, естественно, усомнилась в этом. Женя, увидев мои сомнения, стал убеждать меня, и предложил попробовать разбить тарелку. Сейчас я не помню того, что, поддавшись его убеждениям, разбила тарелку об пол, хотя Жене я почему-то поверила. Скорее всего, спустя какое-то время, тарелка нечаянно разбилась. Только тогда я поняла, что Женя морочил мне голову...

Часть 2

Мои дневники – ранняя юность

Пока Батя устраивал свою жизнь в Бресте, я продолжал учиться и жить во Фрунзе у его брата – Михаила Евстафьевича Дудко.

Около дома Шурочки Булаковой

За школой, метров 100 или 200 слева, находился дом Бур-

лаковых, который я, спустя 25 лет, находясь в командировке, так и не нашёл.

В этом домике жила моя первая любовь – Шурочка Бурлакова. И я учился тогда в 9-м классе.

Ещё раньше – после окончания восьмого класса мои опекуны достали путёвку в пионерлагерь на озеро Иссык-Куль. Мне ехать туда не хотелось, но узнав, что туда же едет мой друг Владилен, я согласился.

Это было прекрасное лето, отличный отдых, замечательное чистое прозрачное озеро (видимость на 10–20 метров, под водой находился древний город, но так глубоко мы нырять не могли).

Нас, переростков, было несколько человек, остальные мелкота, которая подчинялась всем лагерным законам. К этому времени я подрос на 15 см и стал высоким парнем, выглядевшим старше своих лет на 2–3 года, чем несказанно гордился (рост у меня был 170–175 см). Я стал значительно выше моего друга.

Здесь в лагере я познакомился с Шурой, за которой стал ухаживать и мой друг, который был старше меня года на два.

Здесь я допустил непростительную ошибку, когда, уйдя в горы, я невзначай столкнул камень, который вызвал каменную лавину. Под неё чуть не попали Владилен и Шура, находившиеся ниже, на тропе. Я успел крикнуть: берегись!!! Они прижались к стене скалы и камни пролетели перед их носом вниз. Я получил серьёзный урок: нельзя шалить и ба-

ловаться в горах.

Ещё один урок я получил, когда, гуляя вдоль берега, не захотел обходить залив метров 300–500 шириной, а на ту сторону, по прямой – решил его переплыть. Вначале и в конце у берега росли водоросли, мешавшие плыть. Тогда я плавал стилем брасс. На середине пути я почувствовал, что, если силы меня покинут или сведёт ноги или руки (и мне стало так жалко себя!), то никто меня не спасёт, тем более, что это случилось ночью, когда ярко светила луна, а ребята пошли в обход по берегу и были далеко от меня.

Но это будет всё годом позже.

А пока я ещё был глупым неотёсанным мальчишкой, мечтавший познать все секреты отношений с девочками, а потому, придумывавший себе объект влюблённости, о чем делился только со своим дневником.

МОИ ДНЕВНИКИ

В чемодане со старыми письмами и бумагами были найдены мои дневники конца 49-го и 50-го года: учёба в школе во Фрунзе и Бресте и письма Шуры Бурлаковой. Привожу их полностью, хотя не помню некоторых событий и имён.

ДОБАВЛЯЕТ ИРАИДА:

Виктор вел дневник в 1949–51 г. г., когда ему было 15, 16 и 17 лет.

По объёму дневник большой. Если систематизировать его содержание, то напрашиваются две основные темы: самоанализ и жажда любви.

Самоанализ – копание в часто меняющихся настроениях, самобичевание, недовольство собой, но главная цель этого всего – воспитание силы воли. Если бы этот дневник прочитал психоаналитик, он бы проследил, как трудно и медленно продвигался процесс преодоления своих недостатков.

В конце концов, начав с посредственной успеваемости, Виктор окончил школу почти с серебряной медалью, а, в последствие, с отличием институт.

Жажда любви. Не могу сказать, свойственно ли это качество всем мальчишкам этого возраста, и одинаково ли оно проявляется. Опять же, ссылаясь на дневник, можно отметить, что эта тема является навязчивой. Ему хочется быть постоянно влюблённым. И, если этого не случается, в какой-либо период, он придумывает себе это чувство. Поэтому он – «в вечном» поиске...

Наконец, волной накатывается первая любовь. Но, пресытившись первыми впечатлениями, он пугается мысли, что теряет себя, свою свободу.

Воспользовавшись причиной – отъезд в Москву, в институт, он сознательно готовится к разрыву отношений, как бы тяжело это не происходило...

Намеренно становится грубым, придумывает, что по её вине чем-то заболел, ухаживает на её глазах за другими и т. п.

С его позиций он желает, чтобы такое поведение показало ей, что в разрыве виноват он (она?)...

И кто на самом деле больше пострадал от этого разрыва тогда и впоследствии?

Остальные темы в дневнике – СПОРТ и немного о всяком...

ДНЕВНИК 1949 года

На обложке тетради написано красным карандашом:

Не распечатывать!!! Хозяин будет сердит за это!

На внутренней стороне обложки в рамке написано:

Читать чужой дневник – это значит нагло из-за угла воровать, как бы у сонного, его мысли, чувства, переживания. Это – позорно!!!

21/ IX – 50 г.

«Лучше падать, стреляя, чем вставать со связанными руками»

Липкин.

«Счастье приносит только любовь» и сверху добавлено – «и полезная общественная деятельность».

«Истинная ценность обладания – это владеть собой»
Д. Голсуорси.

«Время всё стирает»
Гончаров.

Сверху в верхнем левом уголке написано:

«Настойчивость и упорство я считаю самыми лучшими качествами человека»

Мухтар Ауэзов 28/ III – 50 г.

30 апреля. 1949 г. Суббота.

В 1949 мне было – 15 лет.

Завтра 1 мая. Как буду проводить этот праздник: не знаю. Вообще, буду на вечере у Розы. Всего будет 12 человек: 6 на 6. Фактически знакомых 6: Я и мой ближайший товарищ по спорту – Валентин Хакимов, Роза (Файзулина), (подлинно не слышал), Ида Бурова – хорошие знакомые (давно), Рена и Валерий – средние, Света, недавно познакомился и другие, которых я не знаю.

Распорядок завтрашнего дня:

8 часов в школу до 12–1 ч. дня.

К 2 часам – домой, до 10 часов и в 10 ч. пойду на вечер.

На сердце какая-то пустота. Близкого, преданного друга у меня нет, да и вообще есть ли у меня друг? – Нет. Почему? – Да, потому что у меня такой же характер, как у Тамары Са-

лышковой – непостоянный, требующий новизны, новых тревог, впечатлений – но этого нет и... Дружу с Розой – разве это дружба?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.